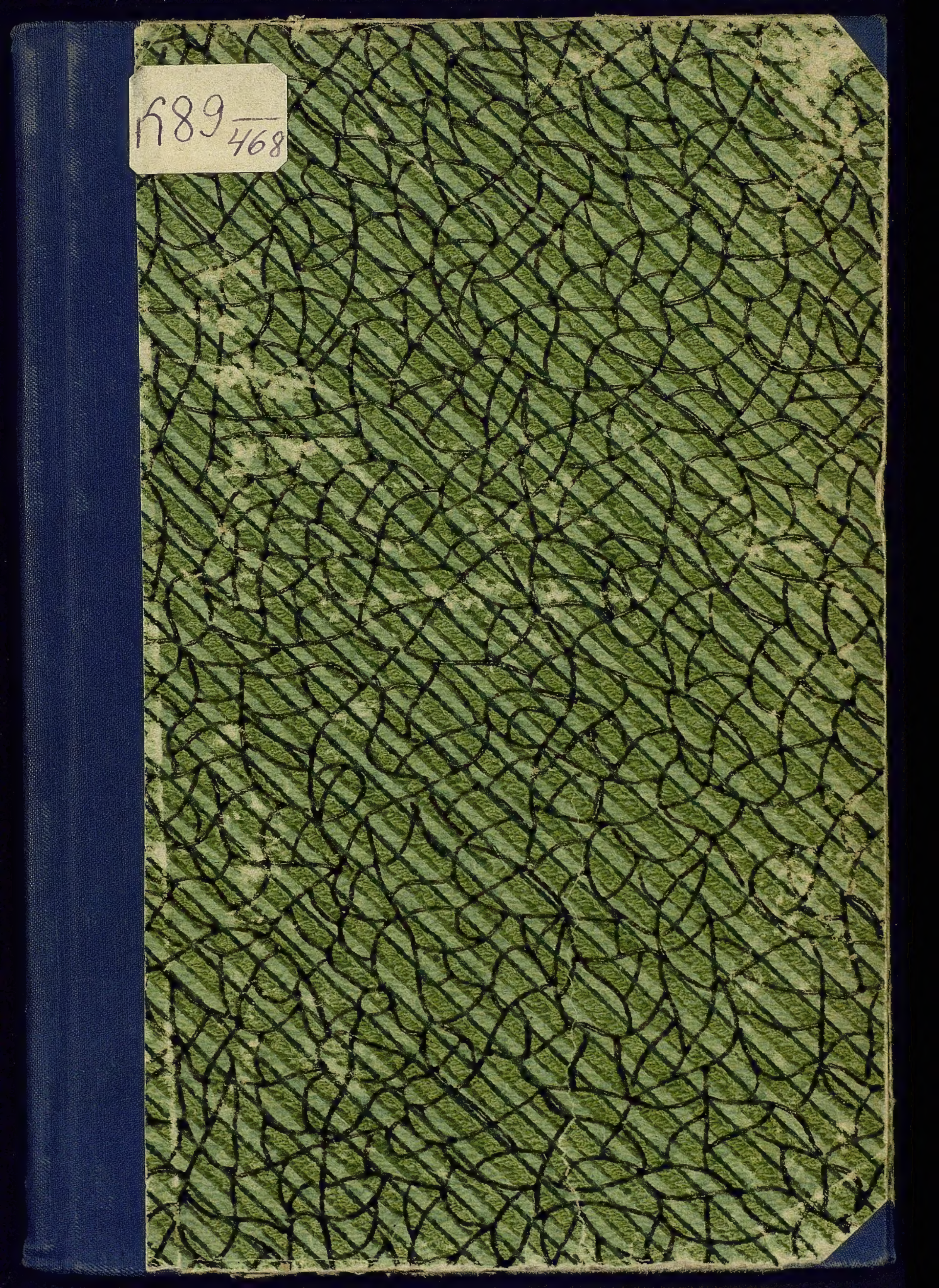
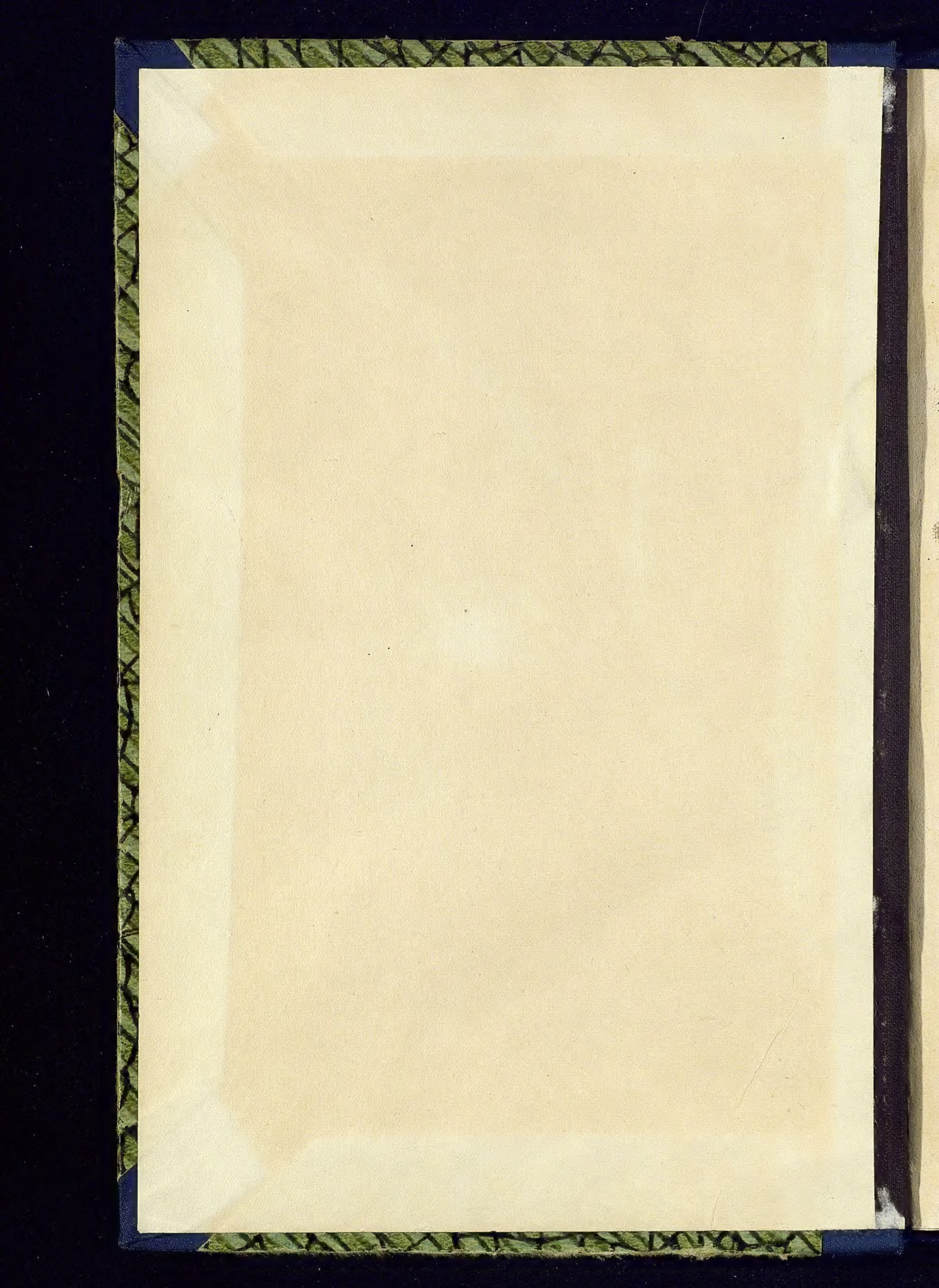
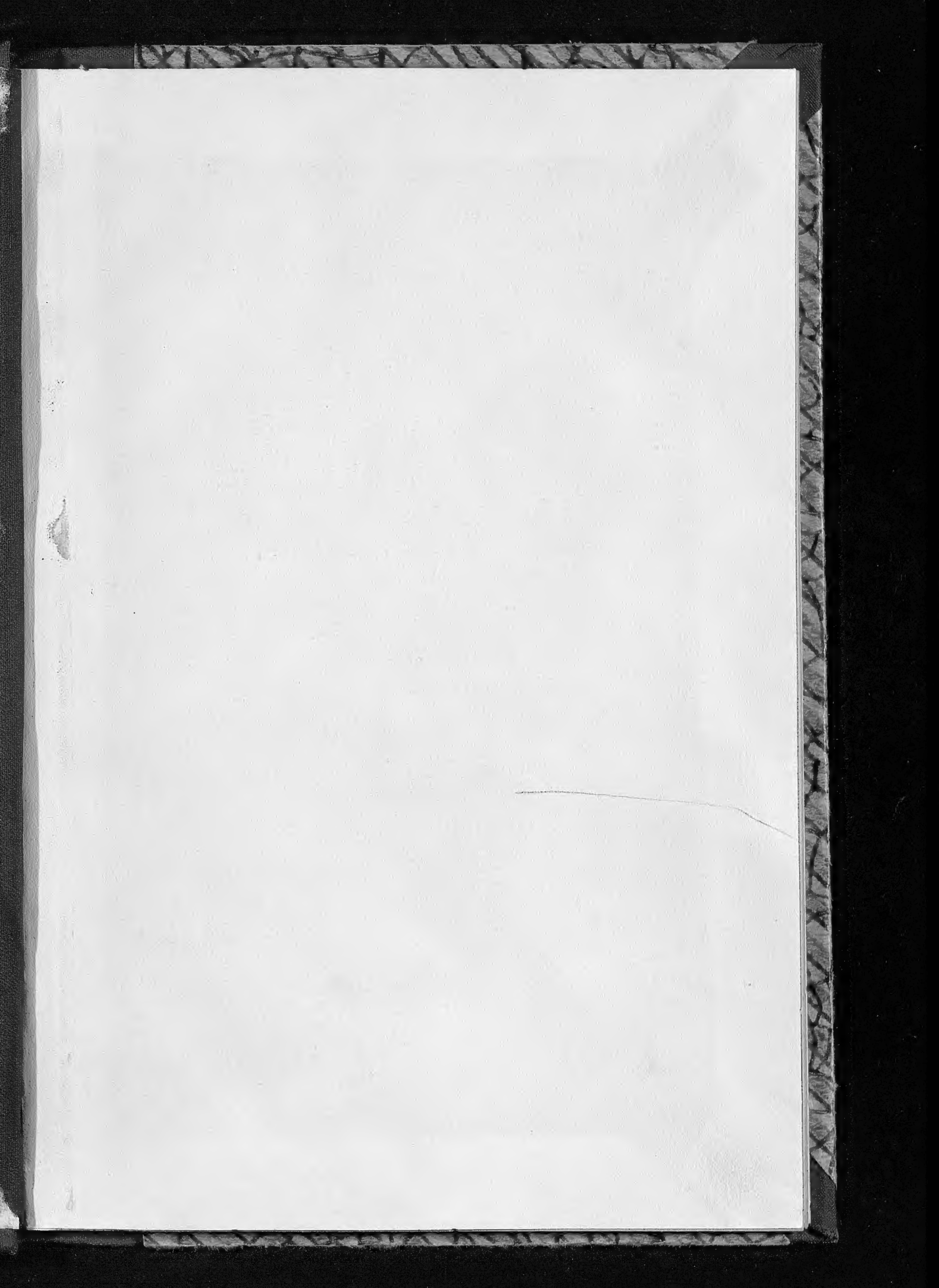
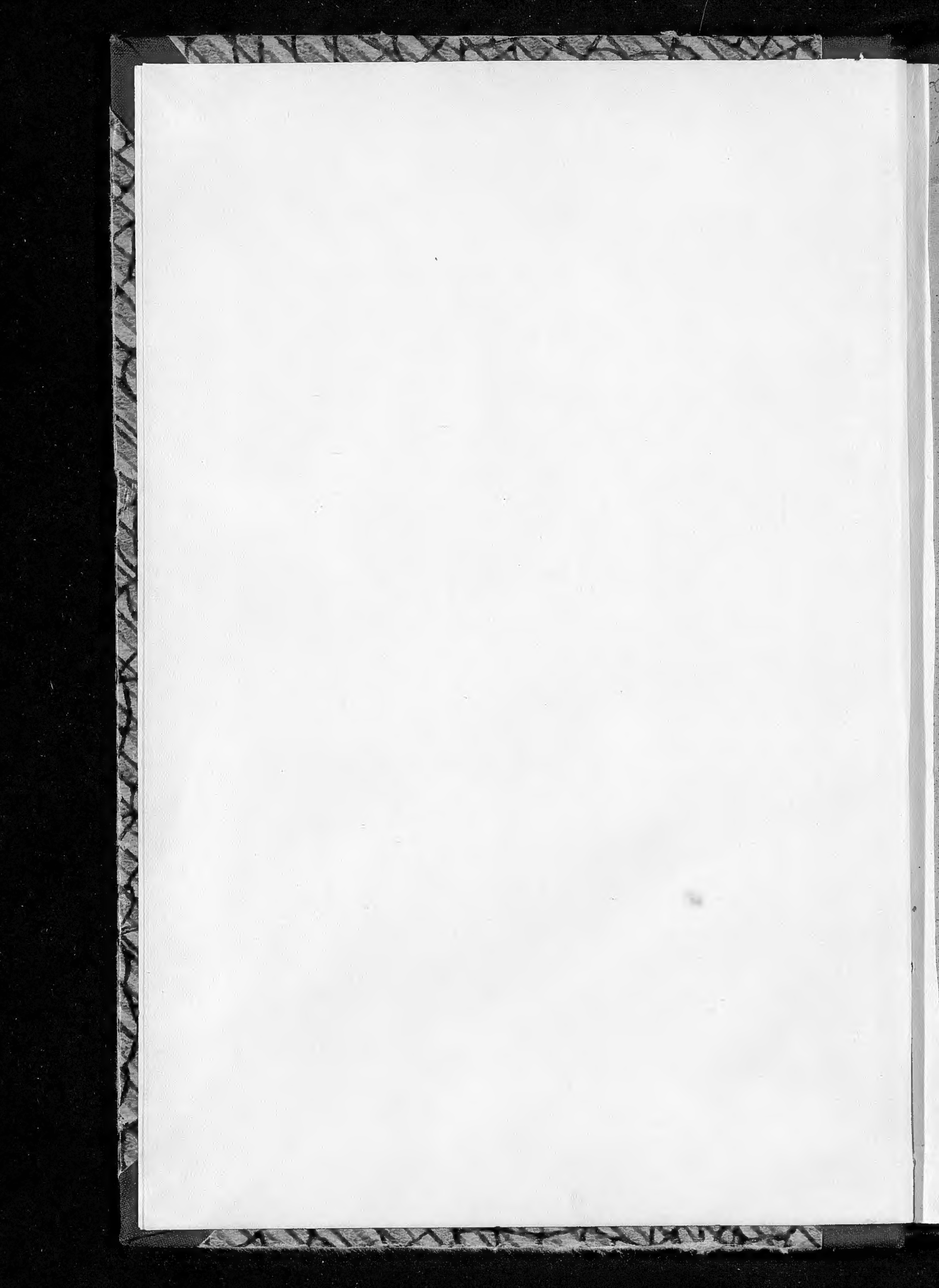

Б89
468

Изданіе Архангельскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

Архангельскій край въ Смутное время.

Подъ редакціей Н. А. Голубцова.

АРХАНГЕЛЬСКЪ.
Губернская Типографія.
1913.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

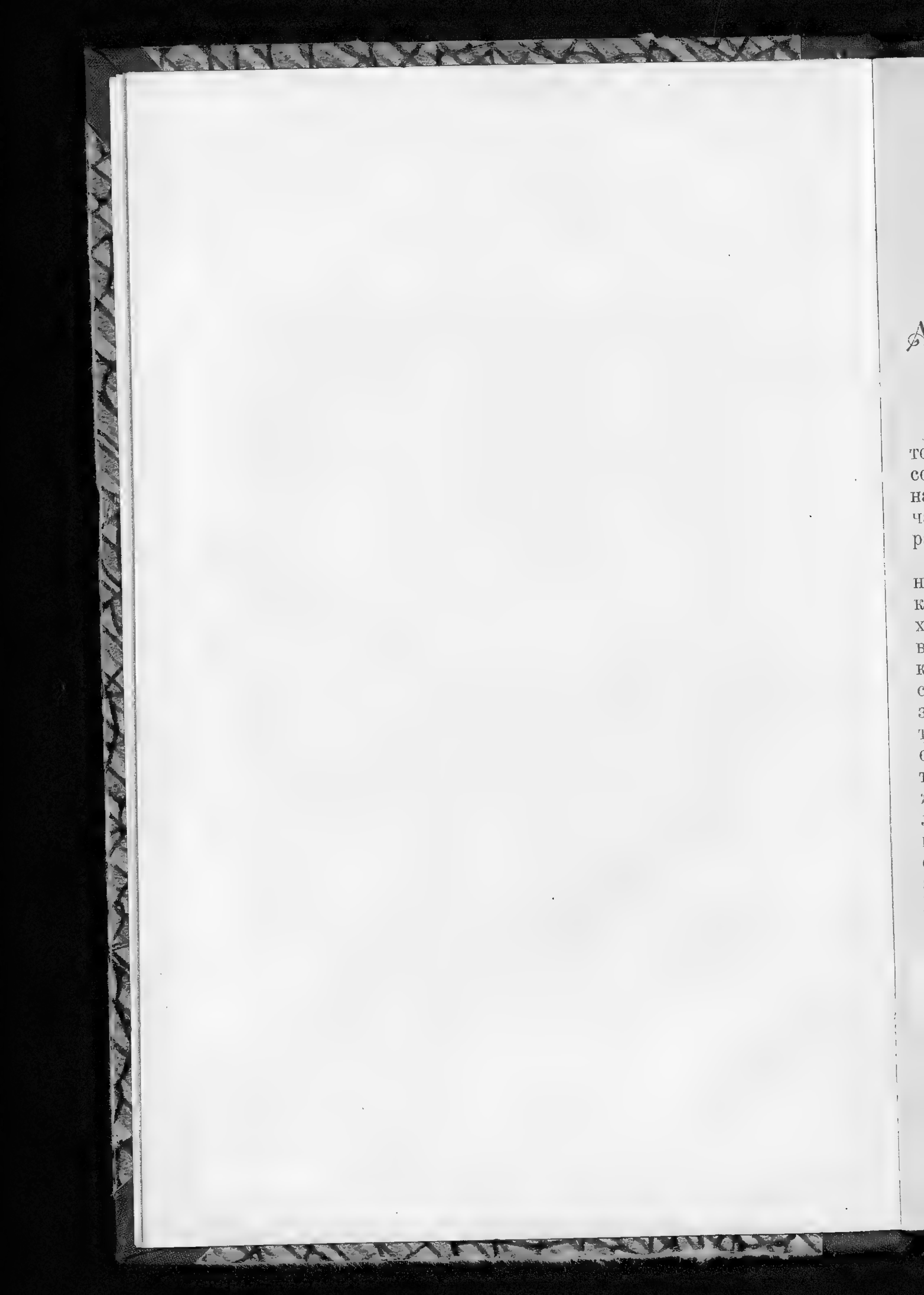

ЦАРЬ МИХАИЛЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ.

ПАТРІАРХЪ ФИЛАРЕТЪ.

(ѲЕОДОРЪ НИКИТИЧЪ РОМАНОВЪ).

Архангельскій край въ Смутное время (1598—1613 г.г.)[1].

Въ 1913 году, 21 февраля, исполняется триста лѣтъ съ того дня, когда собравшимся въ Москвѣ великимъ земскимъ соборомъ, послѣ трехдневнаго поста и молитвы, былъ избранъ на Русское царство Михаилъ Феодоровичъ Романовъ, родоначальникъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича.

Съ этимъ избраніемъ, окончился тотъ періодъ въ жизни нашего государства, нанесшій народу неисчетныя бѣдствія, который современниками названъ „великой разрухой" и „лихолѣтьемъ", а въ исторіи извѣстенъ подъ именемъ Смутнаго времени. „И было тогда, говоритъ современное сказаніе, такое лютое время Божія гнѣва, что люди не чаяли впредь проспасенія себѣ; чуть не вся земля Русская опустѣла; и прозвали старики наши это лютое время—лихолѣтье, потому что тогда была на Русскую землю такая бѣда, какой не бывало отъ начала міра: великій гнѣвъ Божій на людяхъ, глады, трусы, моры, зябели на всякій плодъ земной; звѣри поѣдали живыхъ людей, и люди людей ѣли; плѣненіе было великое людямъ. Жигимонтъ польскій король велѣлъ все Московское государство предать огню и мечу и ниспровергнуть всю красоту благолѣпія земли Русской, за то, что мы не хотѣли признать царемъ на Москвѣ некрещенаго сына, Владислава... Но Господь, говоритъ то же сказаніе, услышалъ молитву людей своихъ... и послалъ къ нимъ ангела своего, да умиритъ всю землю и сойметъ тягость со всѣхъ людей своихъ"[2])

Оставаясь всегда памятнымъ, Смутное время для насъ, сѣверянъ, представляетъ еще тотъ интересъ, что въ эту годину, когда, по словамъ лѣтописца, „грады всѣ Московскаго государства отъ Москвы отступиша",[3]) наши предки, тогдаш-

---

[1]) Предлагаемый очеркъ съ всѣми прибавленіями къ нему является результатомъ работы двухъ лицъ: редактора настоящаго изданія Н. А. Голубцова и студента Петербургскаго психо-неврологическаго института А. Н. Попова.

[2]) Костомаровъ. Смутное время Московскаго государства. Томъ 3-й СПБ. 1868 г., стр. 239.

[3]) Платоновъ. Очерки по исторіи Смутнаго времени. СПБ. 1910 г., стр. 351

нее население Сѣвера выдвигали изъ своей среды не „воровъ“ и измѣнниковъ, но упорныхъ борцовъ за государственность, за законную московскую власть, дали ополченіе, массу, которая пошла за вождями и спасла русское дѣло.[1]).

Движеніе Поморья противъ Смуты представляло собою явленіе большой сложности. „Охвативъ громадное пространство, населеное почти исключительно тяглымъ государевымъ людомъ, пишетъ проф. Платоновъ, это движеніе получило характеръ простонароднаго—„мужичьяго“, какъ презрительно обзывали его тушинскіе воеводы. Служилые люди были въ воставшихъ массахъ сравнительно малочисленнымъ, случайнымъ и малонадежнымъ элементомъ. Единодушіе, взаимное довѣріе и согласованность дѣйствій, отличавшія въ эту пору дѣятельность сѣверныхъ городовъ, истекали не только изъ единства народнаго чувства и политическихъ симпатій, но также изъ однородности мірской организаціи по городамъ и изъ торгово-промышленныхъ отношеній, скрѣплявшихъ взаимною связью хозяйственную жизнь различныхъ районовъ московского сѣвера. Привычныя сношенія сѣверныхъ городовъ съ другими городами и съ собственнымъ уѣздомъ много содѣйствовали устройству военной обороны края, собиранію ратей и соединенію ихъ въ важнѣйшихъ пунктахъ борьбы. Въ то же время и стороннее вліяніе на сѣверные областные міры содѣйствовало ихъ соединенію и вносило единство и планомѣрность въ ихъ операціи. Это стороннее вліяніе шло, во первыхъ, изъ Новгорода отъ М. В. Скопина; онъ, при первой для себя возможности, послалъ на сѣверъ свои войска, а съ ними воеводъ и головъ, которые и приняли на себя руководство военными дѣйствіями. Во вторыхъ, царь Василій изъ Москвы постоянно писалъ на сѣверъ свои грамоты, въ которыхъ заключались не одни увѣщанія и похвалы, но и практическія указанія, въ родѣ того, чтобы, въ случаѣ удачи, направлять наступленіе всѣхъ ратей къ Ярославлю. Наконецъ, въ Вологдѣ, кромѣ постояннаго ея населенія, случайно задержались на время борьбы „всѣ лучшіе московскіе гости“ и иностранные купцы. Не принимая участія въ дѣлѣ оффиціально и стоя въ сторонѣ отъ внутренней жизни мѣстныхъ міровъ, они, однако, должны были вліять на эти міры въ пользу Москвы и Шуйскаго, какъ житейски сильные люди.[2])

---

[1]) Для характеристики патріотической твердости нашихъ предковъ можно указать напр. на тотъ фактъ, что, когда въ 1608 году на Вагу явился изъ Вологды разсыльщикъ второго самозванца Девятко Клементьевъ съ приводною грамотою къ крестному цѣлованію „съ великою угрозою, чтобы всѣ крестьяне вору крестъ цѣловали“, то населеніе важское, „помня Господа Бога и Пречистую Богородицу, и крестьянскую истинную православную вѣру, и души свои,—не прельстились, и тому вору креста не цѣловали; истинно, праворазумно и смышленно не поколебались умы“—Вологодскій сборникъ, томъ 4-й. Вологда, 1885 г., стр. 132—133.

[2]) Платоновъ. Очерки по исторіи Смутнаго времени, стр. 379—380.

Размѣры собиравшейся „посохи" опредѣлялись различно: гдѣ брали по 100 человѣкъ съ большой сохи, гдѣ по 4—6—10 человѣкъ съ малой сошки.[1]) Послѣ того какъ посошные люди собирались, ихъ распредѣляли на десятки, пятидесятки и выбирали для этихъ небольшихъ партій начальниковъ изъ посадскихъ и волостныхъ людей; общее же начальство надъ всей посохой данной округи поручалось или назначеннымъ властями „крѣпкимъ" царскимъ воеводамъ или же ввѣрялось особымъ выборнымъ изъ среды тѣхъ же посадскихъ и волостныхъ людей. По существовавшему обыкновенію, посошные люди получали денежное жалованье, иногда кормъ, иногда подводы; словомъ содержаніе имъ падало всею тяжестью на средства выбиравшей ихъ общины.

Обстоятельства Смутнаго времени не одинъ разъ привлекали Сѣверъ къ ратной повинности. Такъ, мы знаемъ, что еще при царѣ Борисѣ Годуновѣ, во время его борьбы съ Самозванцемъ, на помощь войску, черезъ Москву, были вызваны значительныя силы партіи посошныхъ людей изъ Холмогоръ и другихъ мѣстъ Поморья. Затѣмъ посошные люди сѣверныхъ городовъ были съ царемъ Васильемъ Шуйскимъ подъ Тулою (1607 г.),[2]) а также, по свидѣтельству мѣстнаго историка Крестинина, они были отправлены изъ Архангельска еще къ 1609 и 1610 годахъ, и наконецъ, участвовали въ послѣднемъ ополченіи князя Пожарскаго.[3])

Не менѣе важнымъ, чѣмъ сборъ посохъ, было также участіе въ общемъ патріотическомъ подвигѣ Соловецкаго монастыря, заслуги котораго въ Смутное время были двояки: 1) онъ являлся защитникомъ сѣверной окрайны Московскаго государства отъ набѣговъ иноземцевъ и русскихъ измѣнниковъ, содержалъ на свой счетъ гарнизоны, какъ въ самомъ монастырѣ, [4]) такъ и въ устроенныхъ имъ Сумскомъ и Кемскомъ острогахъ, покупалъ для нихъ зелье и весь во-

[1]) Старинная, еще со временъ Новгородскаго владычества, земельная мѣра когда земля дѣлилась на луки, сохи, обжи и выти. Лукъ—252 кв. саж., обжа—2 лука, соха—3 обжи 67 вытей.

[2]) Платоновъ. Очерки по исторіи Смутнаго времени, стр. 376.

[3]) Крестининъ. Краткая исторія о городѣ Архангельскомъ. С. П. Б. 1792 г., стр. 98.

[4]) Въ 1579 году самъ Соловецкій монастырь превращается въ крѣпость. „Около сего времени, говорится въ Соловецкомъ лѣтописцѣ, построенъ вокругъ монастыря деревянный острогъ и устроены по указу царскому для оберегательства онаго стрѣльцы, въ числѣ 95 человѣкъ, состоявшія подъ вѣдѣніемъ присланнаго изъ Москвы воеводы. Съ сего времени оные стрѣльцы содержимы были на отчетѣ монастырскомъ и потомъ непосредственно были завѣдываемы отъ настоятелей монастыря. Въ 1584 году, по указу царя и великаго князя Федора Іоановича, начато строеніе около монастыря каменной крѣпости. Оная крѣпость созидалась монастырскою суммою и крестьянами. Въ 1594 году сія крѣпость строеніемъ была совершена. Оная вся воздвигнута изъ дикихъ неотесанныхъ камней, имѣетъ одну кругло-продолговатую стѣну, восемь высокихъ башенъ и восемь воротъ. Стѣна снизу съ бойницами, а вверху съ окнами или амбразурами и проходъ подъ крышкою; мѣрою вокругъ и съ башнями 509 саженъ трехъ-аршинныхъ". Лѣтописецъ Соловецкій. Изд. 4. 1847 г., стр. 39, 42, 47.

инскій снарядъ; 2) отдалъ царю Василію Шуйскому почти всю свою казну на расходы по борьбѣ съ Смутой. Кромѣ того, Соловецкій монастырь, въ лицѣ своихъ представителей, участвовалъ также въ соборахъ всея земли, выбиравшихъ государей въ Смутное время. Такъ, подъ грамотой объ избраніи царемъ Бориса Годунова, мы видимъ, въ ряду другихъ, и подпись Соловецкаго старца Василія Напольскаго.

Мысль использовать на нужды государства богатую казну Соловцкаго монастыря принадлежала воеводѣ Скопину-Шуйскому, который въ 1609 году писалъ въ монастырь „о присылкѣ монастырскія казны на наемъ ратнымъ нѣмецкимъ людямъ", а затѣмъ и самъ царь Василій Шуйскій прислалъ въ Соловки грамоту о немедленной присылкѣ монастырской казны „и поклажей" на жалованье ратнымъ людямъ. Въ этой грамотѣ, данной 8 августа того же 1609 года, онъ писалъ въ монастырь, что „де Литва и измѣнники стоятъ подъ Московскимъ государствомъ долгое время и чинятъ утѣсненіе великое; и въ томъ многомъ стояньи изъ нашей казны служилымъ людямъ на жалованье много денегъ вышло, а которые монастыри въ нашей державѣ, и у нихъ всякая монастырская казна взята и роздана служилымъ людямъ. Что у васъ въ Соловецкомъ монастырѣ денежной всякой монастырской казны, или чьи поклажи есть, то вы бы тотчасъ эту казну прислали къ намъ въ Москву, а намъ та казна давати всякимъ служилымъ людямъ на жалованье, и когда Всесильный Богъ намъ надъ врагами побѣду подастъ и съ измѣнниками и съ ворами управимся, то мы ту монастырскую казну исполнимъ вдвое" [1]).

О томъ, сколько вообще было отправлено изъ монастыря денегъ, мы имѣемъ свѣдѣнія въ грамотѣ царя Василія Шуйскаго, въ которой онъ пишетъ, что „молъ прислали намъ съ соборными старцы съ старцомъ Васьяномъ Напольскимъ да съ старцемъ Серапіономъ (Воейковымъ) три тысячи сто пятьдесятъ рублевъ, да Печенскаго монастыря казны триста девяносто восемь рублевъ и двадцать пять алтынъ (что поставлено было у васъ въ монастырѣ для береженья), да сто пятьдесятъ ефимковъ (безъ чети ефимка), да ложка серебряная, да въ прошломъ во 117 году пасалъ къ вамъ бояринъ и воевода Михайло Васильевичъ Шуйскій, чтобы вамъ прислати монастырскія казны на наемъ ратнымъ нѣмецкимъ людемъ и вы къ воеводѣ въ Новгородъ послали монастырскія казны двѣ тысячи рублевъ" [2]).

По свидѣтельству историка монастыря, архим. Досифея, Соловецкій монастыря въ Смутное время пожертвовалъ

[1]) Акты Археогр. Экспедиціи. Томъ 2, стр. 135.
[2]). Акты Археограф. Экспедиціи, Томъ 2, стр. 144.

на нужды государства 5160 рублей, что составитъ, если перевести эту сумму на наши деньги, принимая, согласно расчетамъ проф. В. О. Ключевскаго, одинъ тогдашній (1601—1612 г.г.) рубль равнымъ 12 нынѣшнимъ (1 : 12)—61800 рублей [1]).

Все время отстаивая законное правительство, нашъ край, въ лицѣ своихъ представителей, принималъ участіе и къ конечномъ событіи этой эпохи—въ избраніи на царскій престолъ новой династіи Романовыхъ. На соборѣ всея земли, избравшемъ царемъ Михаила Θеодоровича Романова, на ряду съ другими, были представители и нашей сѣверной окраины, что видно изъ Утвердительной грамоты объ этомъ избраніи, подъ которой имѣется подпись: „Зъ Двины, Антоніева монастыря Сійскаго выборной игуменъ Іона, и въ товарищевъ своихъ мѣсто посацкихъ и въ уѣздныхъ людей—руку приложилъ [2]).

Мы уже указывали на то обстоятельство, что собственно смуты въ нашемъ краю не было, но общей участи—разоренья онъ все же не избѣжалъ и перенесъ тѣ же бѣдствія нашествія иноземцевъ и своихъ измѣнниковъ, которыя испытала на себѣ почти вся Русь. Отъ этого разоренія не спасла край и его отдаленность отъ центровъ событій.

Испытанія и невзгоды нашествія непріятелей и своихъ воровъ выпали на долю нашего края въ концѣ Смутнаго времени и частью уже послѣ окончанія Смуты. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ нападеніемъ шведовъ на Карелію, во второмъ—съ такъ называемымъ Литовскимъ разореньемъ—набѣгомъ на Двину и Поморье отряда литовскихъ и русскихъ людей.

Набѣгу шведовъ на Поморье предшествовала цѣлая дипломатическая переписка шведскихъ воеводъ съ Соловецкимъ монастыремъ. Началомъ этой переписки является письмо шведскаго воеводы Исаака Бема, отъ 23 Февраля 1609 года, къ Соловецкому игумену Антонію, въ которомъ онъ, имѣя въ виду обязательство своего короля помогать Россіи, запрашивалъ игумена: кого онъ признаетъ въ Россіи царемъ и желаетъ ли королевской подмоги. Отвѣчалъ ли на это письмо игуменъ Антоній, намъ не извѣстно. Вторичное письмо, присланное въ томъ же году отъ того же шведскаго воеводы, наполнено было льстивыми выраженіями. Исаакъ Бемъ, совѣтуя игумену Антонію, держаться законнаго царя Василья Шуйскаго, указывалъ, что главная цѣль ополчившихся на Россію поляковъ состоитъ въ томъ, чтобы уничтожить пра-

[1]) Ключевскій. Русскій рубль въ 16—18 в.в. въ его отношеніи къ нынѣшнему—въ Сборн. „Очерки и изслѣдованія“ М. 1912 г., стр. 211. Проф. С. М. Соловьевъ опредѣляетъ эту сумму пожертвованій монастыря гораздо меньше, именно въ 17000 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей. „Исторія Россія“. Кн. 2, стр. 888.

[2]) Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ т. 1, № 203.

вославіе, въ то же время онъ непремѣнно желалъ знать отъ игумена, признаетъ ли онъ Василія Шуйскаго законнымъ своимъ государемъ и снова предлагалъ ему свою помощь. Въ третьемъ письмѣ, безъ обозначенія года, присланномъ изъ Улеаборга, отъ шведскаго военачальника Андрея Стиварта Ладика Луденскаго и отъ друга его и товарища, воеводы Улеборгскаго и Каянскаго Ерика Харе, говорится, что, по королевскому указу, воевода Стивартъ предполагалъ было, для соединенія съ войскомъ Делагарди, пройти черезъ Поморье, съ тою цѣлью, чтобы поляки не могли узнать о количествѣ войска, но не могъ этого выполнить. „И какъ язъ доѣхалъ, писалъ онъ, до рубежа мѣсяца Апрѣля, не какъ ворогъ, и ваши крестьяне довѣдались, што мы ѣдемъ, такъ они всѣ отъ своихъ дворовъ побѣжали; и я великою нужею для хлѣба, до деревни Чюпы пріѣхалъ. Язъ начаялся скоро къ нашему воеводѣ Якову Понтусу ѣхать; а какъ язъ увидѣлъ, что намъ не мошно туды проѣхать для голоду: коли всѣ ваши мужики прочь побѣжали, и намъ за деньги не мошно ничево добыть, такъ язъ назадъ съ моимъ войскомъ воротился въ нашу землю, и теперьво стою язъ съ моимъ войскомъ недалеко отъ рубежа, и дожидаемся отвѣту по нашей грамотѣ отъ нашего милостиваго Короля, куда намъ ѣхать... Не умѣю язъ тебѣ утаить, игуменъ Антоній, что язъ нынѣча довѣдался, что ваши люди и мужики пришли въ нашу землю, и нашихъ хрестьянъ забили, и много деревень зажгли, и животины много отняли; што коли наши недруги, и я хочу отъ тебя вѣдать: ты ли имъ повелѣлъ, или они сами отъ себя то доспѣли? Ты самъ вѣдаешь, што нашъ милостивый Король, да вашъ Царь миръ доспѣли въ Выборгѣ; и коли ты миръ хочешь держать, и ты смири тѣхъ мужиковъ, и не вели имъ въ нашу землю ѣхать; а будетъ ты то не хочешь сдѣлать и твои люди въ нашу землю придутъ, и язъ готовъ нашего милостиваго Короля землю заступать, и въ вашу землю ѣхать таковожъ дѣлать, какъ и вы дѣлали; а какъ то доспѣется, и вы сами виноваты, что вы тотъ миръ испортили, и войну въ вашу землю доспѣли [1]).

Въ 1611 году тотъ же Улеаборгскій воевода Ерикъ Харе прислалъ въ монастырь письмо, изъ смысла котораго можно догадываться, что, что онъ приложилъ къ нему какое то именное королевское требованіе, не сохранившееся до нашего времени. Въ отвѣтъ на это письмо, игуменомъ Антоніемъ былъ отправленъ „Листъ“ о единодушномъ намѣреніи всего Россійскаго народа не избирать на престолъ иноплеменника. Содержаніе этого документа было таково:

[1]) Досифей. Описаніе Соловецкаго монастыря. Часть I. М. 1853 г., стр. 102—103.

„Божіею великою милостію, великія Россіи великій святитель, Святѣйшій Гермогенъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, и благовѣрные и великіе князи Владимірскіи, и Московскіи, и Новгородскіи, и Казанскіи, и Псковскіи, и всего Московскаго государства, и Царскаго Величества и богомолья Соловецкаго монастыря и Сумскаго острогу богомолецъ игуменъ Антоній съ братьею, тебѣ великому Королусу девятому, Свейскому, Готскому, Вендейскому, Финскому, Лопскому въ сѣверной странѣ, Каянскому, Естенскому и Влифлянскому королю. Буди тебѣ вѣдомо: которые люди на Москвѣ великому святителю Святѣйшему Патріарху и бояромъ и княземъ, и дворяномъ, и дѣтемъ боярскимъ, и гостемъ, и всѣмъ людемъ всего Московскаго государства крестъ цѣловали и въ томъ они измѣнили и во всемъ солгали. А которой назвался въ Московскомъ государствѣ ложнымъ царевичемъ Дмитреемъ Ивановичемъ, воровски, и того нынѣ убили и въ животѣ его нѣтъ. А писалъ съ Москвы великій святитель Святѣйшій Гермогенъ, Патріархъ Московскій и всеа Русіи, въ Великій Новгородъ, и во Псковъ, и въ Казань, и въ Нижній-Новгородъ, и на Вологду, и въ Ерославль, и въ Сѣверскіе городы, и на Резань, и во всѣ городы Московскаго государства и велѣлъ съѣзжаться къ Москвѣ ратнымъ воинскимъ людемъ и стояти и помышляти единомышленно на Литовскихъ людей; и Божіею милостію въ Московскомъ государствѣ у святѣйшаго патріарха и у бояръ и изо всѣхъ городовъ всего Московскаго государства ссылаются. и на совѣтъ въ Москвѣ сходятся, и совѣтуютъ, и стоятъ единомышленно на Литовскихъ людей, а хотятъ выбирати на Московское государство Царя и Великаго Князя изъ своихъ прирожденныхъ бояръ, кого Всесильный Вседержитель Богъ изволитъ и Пречистая Богородица, а иныхъ земель иновѣрцовъ никого не хотятъ. А у насъ въ Соловецкомъ монастырѣ и въ Сумскомъ острогѣ и во всей Поморской области тотъ же совѣтъ единомышленно: не хотимъ никого иновѣрцовъ на Московское государство Царемъ и Великимъ Княземъ, опроче своихъ прирожденныхъ бояръ Московскаго государства. Писанъ въ Сумскомъ острогѣ, лѣта 7119 марта въ 12 день“.[1]).

Этотъ отвѣтъ игумена Соловецкаго монастыря даетъ нѣкоторыя данныя для сужденія о томъ, что было писано въ упомянутой выше королевской грамотѣ. Дѣло въ ней шло, очевидно, о принятіи на московскій престолъ одного изъ шведскихъ королевичей, такъ какъ въ своемъ отвѣтѣ игуменъ пишетъ, что „на московское государство хотятъ выбирати Царя и Великаго Князя изъ своихъ прирожденныхъ бояръ, и иныхъ земель иновѣрцовъ никого не хотятъ“ и что этого

[1]) Тамъ же, стран. 105—106.

же мнѣнія единодушно держатся и въ Соловецкомъ монастырѣ, въ Сумскомъ острогѣ, и во по всей Поморской области.

Въ томъ же 1611 году, весной, шведскій отрядъ напалъ на поморскія монастырскія волости и приступилъ подъ Кольскій острогъ, но, благодаря мужеству воеводы, находившагося тамъ, былъ съ урономъ отбитъ. Въ то же лѣто шведы сдѣлали попытку захватить самый Соловецкій монастырь. Они приплыли съ большой силоой къ отстоящимъ въ 30 верстахъ отъ монастыря островамъ, называемымъ „Кузова“, но тамъ, какъ свидѣтельствуетъ старинная лѣтопись, „будучи омрачены невидимою Божіею силою и молитвами Чудотворцевъ Соловецкихъ, простоявъ цѣлое лѣто, безъ успѣха возвратились назадъ“.[1])

Когда о нападеніи шведовъ узнали въ Москвѣ, то тогда же прислали въ Сумскій острогъ небольшой отрядъ ратныхъ людей, подъ начальствомъ воеводы Максима Васильевича Лихарева и стрѣлецкаго головы Елизарія Денисовича Бесѣднова. На самый Сумскій острогъ шведы не нападали, но они разорили въ Заонежскихъ погостахъ волость Толвую и побудили воеводу предпринять туда походъ. Прогнавъ непріятелей, сумскій отрядъ, въ исходѣ 1612 года, вернулся обратно въ Сумскій острогъ.

Въ томъ же году русскіе военачальники отправили въ Швецію письмо, въ коемъ увѣдомляли шведскихъ воеводъ Андрея Стиварта и Ерика, что они освѣдомлены о ихъ непріязненныхъ дѣйствіяхъ подъ Колою и въ поморскихъ волостяхъ, объявляли о своей готовности противостоять ихъ нападеніяхъ; но, по состоявшемуся мирному договору между обѣими державами, требовали прекратить военныя дѣйствія, размѣнять плѣнныхъ и возвратить посланныхъ къ нимъ съ извѣстіями. Письмо это было написано такимъ образомъ:

„Великія Россійскія державы Московскаго государства боярина и воеводы князя Дмитрея Тимофѣевича Трубецково, да Ивана Мартиновича Зарутцково, да думнаго дворянина и воеводы Прокопья Петровича Ляпунова, по совѣту всея земли, посланный воевода Максимъ Лихаревъ, да голова Елизарій Бесѣдново, пишемъ и вѣдати даемъ вамъ Свейскаго Карлуса Короля ратнымъ воеводамъ, Ондрею Стиварту съ товарищемъ Ерикомъ, и всѣмъ вашимъ Нѣмецкимъ людемъ. Въ прошломъ во 119 (1611) году писали къ Москвѣ къ боярамъ нашимъ и воеводамъ изъ Кольскаго острога воеводы и дьяки, да изъ Соловецкаго манастыря игуменъ Антоній съ братьею, что ваши Нѣмецкіе люди приходили войною съ снарядомъ подъ Кольскій острогъ, и приступали накрѣпко, и хо-

[1]) Тамъ же, стран. 106—107. Память объ этомъ сохраняется до сихъ поръ въ названіи нѣкоторыхъ Кузовскихъ островов „Нѣмецкими“.

тѣли защитомъ Кольской острогъ взяти; и Богъ имъ того не подалъ, и послѣ того ваши-жъ Нѣмецкіе люди и нашего государства порубежные волости повоевали, и деревни пожгли, и людей сѣкли, а иныхъ въ полоъ взяли. И по тому письму у насъ въ Московскомъ государствѣ учининилося про ту вашу войну вѣдомо; и Московскаго государства бояря и воеводы насъ послали противъ вашего задору со многими воинскими и ратными людьми противъ васъ стояти, и поморскихъ волостей оберегати: и мы пришли съ своими со многими ратными людьми въ Сумскій острогъ августа въ 15 день. И въ нынѣшнемъ во 120 (1612) году сентября 4 дня писали вы на Соловки къ игумену съ братьею о томъ, что будто наши русскіе люди приходили въ вашу землю войною, и вашихъ людей побивали, и деревни жгли: и мы къ вамъ Русскихъ людей воевати не посылали, и про то не вѣдаемъ. А про то намъ подлинно вѣдомо. что ваши Нѣмецкіе люди на Русь воевать ходили, а повоевали по имяномъ нашимъ одиннадцать мѣстъ: волость Реболу, Ровколу, Чолку, Котвасъ, Озеро Тюжню, Ловушъ островъ, Лендеры, Вонгоры, Кимасъ-озеро, Юшко-озеро, и въ тѣхъ деревняхъ многихъ Русскихъ людей побили, а иныхъ и въ полонъ взяли; а иные отъ того вашего разгрому разбѣжались розно. И слухъ у насъ про то есть, что де и тѣ громенные мужики разбивали по рубежу въ нашей и вашей землѣ, а не съ нашего вѣдома: и мы тѣхъ разбойниковъ имати посылаемъ, и поймавъ смиримъ. А ваши будетъ люди въ своей землѣ про тѣхъ разбойниковъ провѣдаютъ и вы-бъ ихъ имали: а мы своихъ ратныхъ людей унимаемъ, и въ вашу землю войною ходити и задору чинити не велимъ для того, что нашъ Царь и вашъ Король доспѣли промежъ себя миръ, и мы того миру испортити и промежъ царствы смуты учинити не хотимъ: а вы бы такожъ своихъ людей у себя унимали, и воевали на Русскую землю ходити и смуты чинити не велѣли. А прежъ сего, августа въ 15 день, послали мы къ вамъ съ листомъ о мирномъ стояньѣ и о добромъ дѣлѣ Русково человѣка Сумлянина Нежданка Конюхова съ товарищемъ; и вамъ бы нашихъ посыльщиковъ къ намъ отпустити не задержавъ, и противъ прежняго и нынѣшняго нашихъ листовъ, велѣли бы къ намъ отписати о всемъ подлинно; а которыхъ нашихъ людей и ваши люди взяли въ полонъ и вамъ бы велѣти тѣхъ людей изыскавъ, на Русь отпустити“ [1]).

Разореніемъ Толвуя военныя операціи шведовъ въ нашемъ Поморьѣ и закончились, а стрѣльцамъ Сумскаго острога довелось еще разъ сыграть свою роль защитниковъ Сѣвернаго края отъ враговъ, которыми на этотъ разъ были ка-

[1]) Тамъ же, стран. 111—113.

заки-черкасы и русскіе „воры“. Набѣгъ ихъ остался въ памяти населенія нашего края подъ именемъ „Литовскаго разоренья“.

Извѣстно что послѣдняя попытка поляковъ оказать помощь осажденной земскимъ ополченіемъ Москвѣ связана съ именемъ гетмана Ходкевича, который, во главѣ сильнаго отряда поляковъ, литовцевъ и частью казаковъ, подъ командой Наливайко, думалъ было прорваться въ Москву, но сдѣлать это ему не удалось: войско его было разбито, а запасы попали въ руки русскихъ. Самъ гетманъ, послѣ этой неудачи, возвратился въ Польшу, а разбѣжавшіеся было казаки или какъ ихъ тогда называли „черкесы“ собрались снова вмѣстѣ и пошли—на Вологду и другіе Поморскіе города, оставшіеся совершенно беззащитными, вслѣдствіе ухода всѣхъ ратныхъ силъ въ общеземское ополченіе подъ Москву.

Хотя Вологда еще со временемъ Іоанна Грознаго представляла сильную крѣпость, способную выдержать долгую осаду, но казаки и польско-литовская „сволочь“, эти-какъ ихъ аттестуетъ одна современная рукопись—„разорители православной вѣры и Креста Христова ругатели“—неожиданнымъ нападеніемъ ночью 22-го сентября 1612 года взяли городъ, избили жителей, осквернили и выжгли церкви, а равно и самый городъ выжгли до основанія и захватили городскую казну; начальниковъ города—воеводу Долгорукова и дьяка Истому-Карташова убили (другой воевода Ив. Ив. Одоевскій-Меньшой сбѣжалъ), архіепископа Вологодскаго Сильвестра взяли въ полонъ и отпустили лишь на четвертые сутки едва живого. Въ то же время черкесы разорили подгородній Спасо-Прилуцкій монастырь и замучили до смерти жившаго подъ Вологдой старца подвижника Галактіона.

Послѣ такихъ подвиговъ, казаки и литовцы 25 сентября отправились изъ Вологды на Тотьму и Вагу; разорили Тотемскій и Вельскій посады и, перебравшись въ предѣлы нынѣшней Архангельской губерніи, подступили къ Важскому Богословскому монастырю. Беззащитная иноческая обитель легко сдѣлалась добычей черкесовъ. Въ челобитной игумена монастыря Евфимія съ братіею объ освобожденіи отъ платежа ямскихъ денегъ, поданной царю Михаилу Ѳеодоровичу въ 1631 году, между прочимъ, говорится: „грѣхъ ради нашихъ приходили къ намъ на Вагу войною Литовскіе люди и Русскіе воры и въ монастырѣ Литовскіе люди великими людьми стояли долгое время и многихъ въ монастырѣ старцовъ и бѣльцовъ посѣкли, а иныхъ многихъ мучили и монастырскую казну денежную и платье и церковные сосуды и паникадила, и свѣчи мѣстные и ризы камчатые и поручи съ жемчуги-то все пограбили и съ образовъ серебряные оклады и гривны по-

имали и кельи въ монастырѣ и въ волостѣхъ дворы пожгли и хлѣбъ стоялой въ монастырѣ и въ деревняхъ конми окормили, а досталь въ попранье подъ ноги сыпали и рогатой скотъ обили и лошади обводили". Послѣ разоренья, немногочисленная, оставшаяся въ живыхъ братія монастыря „по міру ходя скитаясь и по прежнимъ вкладчикамъ спрашивая и собирая на монастырской заводъ, едва съ великою скудостію могли удержатися жительствовати въ Богословскомъ монастырѣ".[1])

Отъ Богословскаго монастыря литва и черкасы и русскіе воры пошли къ Устюгу и разорили посадъ большой на рѣкѣ Вычегдѣ, у устья рѣчки Усолки—Соль Вычегодскую, „дворы пожгли, а людей съ женами и дѣтьми побили". Поворотивъ отсюда къ Новгороду, воры перебрались затѣмъ въ Бѣлозерскій и Новгородскій уѣзды, гдѣ и „ходили войною" весь конецъ 1612 и до осени 1613 года. Здѣсь они, между прочимъ, дважды и оба раза неудачно, приступали къ Кириллову Бѣлозерскому монастырю, къ Каргополю и т. д., „разорили не мало волостей, многихъ людей посѣкли, а дворы ихъ пожгли".

Къ числу разоренныхъ въ это время волостей надо отнести и Конецгорскую (нынѣ Шенкурскаго уѣзда) волость на Вагѣ, въ Подвинской чети. Воры пришли въ Конецгорье въ црестольный праздникъ „въ Офонасьевъ день и Кирилловъ Александрійскихъ (18 января) и въ церкви въ теплой во имя Аѳонасія Кирилла Александрійскихъ людей посѣкли, дву человѣкъ ссѣкли въ алтарѣ, а дву человѣкъ въ церквѣ: и попу Еѳрему литургіи дослужить не дали; пришли и въ церковь вломились, какъ на литургіи достойно запѣли и попа изъ церкви выволокли на улицу и муча ссѣкли; а въ тѣ поры человѣкъ подъ престоломъ сѣделъ, и того человѣка увидѣвъ изъ подъ престола выволокли".[2])

Въ это же время они чуть было не попали на службу къ начальнику шведскихъ войскъ въ Новгородѣ полковнику Якову Пунтусову Делагарди, который давалъ имъ имъ "сукна и камки и деньги", предлагая идти на Двину къ Архангельску. Но ведшіе переговоры черкасскіе полковники Барышполецъ и Сидорко, которымъ, очевидно, была дорога казацкая свобода, не захотѣли продаться нѣмцамъ, а потомъ подъ Тихвинскимъ монастыремъ казаки и вовсе поссорились съ нѣмцами и „отошли отъ Якова Пунтусова все браняся". Подъ Тихвинскимъ же монастыремъ воровская рать раздѣлилась на двѣ части: литовцы пошли къ Делагарди въ Новгородъ, а черкасы и русскіе воры, подъ командой уже упомя-

[1]) „Дополненіе къ Актамъ Историческимъ", II, № 80.
[2]) „Вологодскія Губернскія Вѣдомости" 1862 г, № 29.

нутыхъ полковниковъ Барышпольца и Сидорки, отправились въ Бѣлозерскій уѣздъ, въ Каргополь и далѣе, почти нигдѣ не встрѣчая отпора и затѣмъ пошли на Двину. О приближеніи черкасъ на Двинѣ уже знали и принимали всѣ мѣры къ самозащитѣ. На Вагѣ и въ Подвиньѣ — въ Кевролѣ вездѣ писали грамоты о томъ, чтобы „на литовскихъ людей стоять всѣмъ за одинъ". Наибольшую распорядительность проявлялъ воевода Кевролькаго стана Михаилъ Ивановичъ Спѣшневъ, разсылавшій по всѣмъ станамъ и волостямъ наказныя памяти о сборѣ ратныхъ людей и всеобщемъ вооруженіи противъ воровъ.

Одна изъ такихъ „памятей" Спѣшнева дошла до настоящаго времени и мы приводимъ ее здѣсь цѣликомъ:

„Лѣта 7122, ноября въ 22 день по государеву цареву и великаго князя Михаила Өедоровича всеа Русіи указу, память въ Чаколской станъ, и на Пермьское, и на Пильи Горы и на Немьюшку, и на Мезень въ Юромской станъ, старостамъ и цѣловальникамъ и всѣмъ крестьяномъ. Нынѣшняго 122 ноября въ 15 день посланъ къ вамъ изъ Кевролы, въ ваши волости съ наказною памятью, за рукою и за печатью Михайла Ивановича Спѣшнева, Кевролскаго стану крестьянинъ Первой Прокопьевъ сынъ Кулешевъ, а по той памяти велѣно вамъ собрати ратныхъ людей, по человѣку съ сошки, со всякимъ ратнымъ оружьемъ, противъ Польскихъ и Литовскихъ и Нѣмецкихъ и Русскихъ воровскихъ людей, чтобы тѣмъ ратнымъ людямъ быть готовымъ; да самимъ вамъ всѣмъ хрестьяномъ своими головами и съ половники, и съ казачки, велѣно быть готовыми, со всякимъ ратнымъ оружьемъ. Да послѣ того, въ нынѣшнемъ же во 122 году, ноября въ 19 день, присланы въ Кевролской станъ къ Михайлу Ивановичу Спѣшневу изъ Подвинскіе четверти списки съ отписокъ о вѣстяхъ, что къ нимъ присланы съ Ваги... И вы бы по прежней да и по сей памяти ратныхъ людей по человѣку съ сошки собрали тотчасъ, со всякимъ ратнымъ оружьемъ, чтобы у васъ ратные люди были готовы, и сами бы вы всѣ хрестьяне своими головами, и съ половники и съ казачки готовилися со всякимъ ратнымъ оружьемъ. А каковы съ отписокъ списки посланы съ Подвинья, и съ тѣхъ съ отписокъ посланы къ вамъ списки, слово въ слово, во всѣ волости въ Пинежской уѣздъ, въ Чаколу, въ Пермьское и на Пильи Горы и на Немьюшку и на Мезень: и вы бы тѣ отписки и память вычитали у себя всѣмъ въ слухъ, и отсылали въ иные во всѣ волости, чтобы по всѣмъ волостемъ и по станкомъ про то было вѣдомо; а на Пѣнеги и Пермьскомъ съ отписокъ и съ памяти списали бы естя списокъ Чаколскіе и Пермьскіе и Пиліегорскіе волостемъ, для вѣданья, а

въ Чаколѣ и на Пильегорахъ и на Немьюшкѣ прочесть, а подлинные списки везти на Мезень въ Юромской станъ и списывая списки разсылати по всѣмъ волостѣмъ, что бы про то по всѣмъ станкомъ и по волостемъ всѣмъ крестьянамъ было вѣдомо.—Къ сей памяти Михайло Ивановичъ Спѣшневъ печать свою приложилъ“ [1]).

Въ концѣ ноября 1613 года черкасы пошли было къ Каргополю, но по дорогѣ отъ захваченныхъ полонянниковъ они узнали, что въ Каргополѣ ихъ уже ждутъ и врядъ ли имъ удастся захватить этотъ городъ; въ то же время они узнали о беззащитномъ положенiи Холмогоръ, гдѣ „острогъ не додѣланъ и людей въ немъ служильхъ съ огненнымъ боемъ всего съ 50 человѣкъ, а иныхъ нѣтъ“. Казаки рѣшили идти на Двину и, оставивъ въ сторонѣ Каргополь, перебрались черезъ Онегу у Турчасова. Отсюда они хотѣли было совершить нападенiе на Сумскiй острогъ, но, снова услыхавъ о возможности легко захватить Холмогоры, казаки съ общаго совѣта „учиня раду“, рѣшились идти на Холмогоры, „что де тамъ,—какъ говорили на радѣ ихъ полковники,—будетъ и золота и серебра и бархатовъ и камокъ и суконъ дорогихъ много“. Въ Турчасовѣ они захватили одного „купецкаго“ человѣка проводникомъ до Емецка, а здѣсь, отпустивъ этого проводника, взяли другого—мужика.

На Двинѣ, въ Холмогорахъ, воровъ также уже ждали. Воевода Двинской Петръ Инановичъ Пронскiй[1]) по государеву указу соорудилъ въ 1613 году въ Холмогорахь наспѣхъ острогъ за Глинками въ нижней половинѣ, а также другой острогъ на Емцѣ, причемъ для устройства послѣдняго острога онъ распорядился употребить зданiя Емецкаго Ивановскаго женскаго монастяря, монахинь котораго перевелъ въ Емецкiй же мужской Покровскiй монастырь, переселивъ братiю его въ Антонiевъ Сiйскiй и Спасскiй монастыри. Для защиты Архангельскаго города воевода Пронскiй послалъ туда своего товарища, воеводу Моисея Федоровича Глѣбова.

Вновь устроенный на Емцѣ острогъ былъ „прямой на иглахъ, а у острогу трои ворота, а у нихъ рублены тарасы. А на воротахъ башни. А на Троицкой башнѣ пищаль нѣмецкая полуторная въ станку на колесахъ. На острогѣ же пять башенъ... всего около острогу (т. е. въ окружности) по мѣрѣ 312 саж. А крѣпостей около острогу: у Егорьевскихъ воротъ тайникъ къ рѣкѣ Емцѣ, рубленъ, поперекъ $1^1/_2$ сажени, да отъ Наугольные башни, что отъ Емцы рѣки снизу до наугольные жъ до Ивановскiе башни ровъ поперекъ 3 сажени, а во рву съ одну сторону... ставленъ тынъ; около жъ острогу надолбы двой-

[1]) Д. А. И. II, 10.

[1]) По словамъ Крестинина—Никита Михайловичъ Пушкинъ.

ные,... а по острогу катки. Въ острогѣ жъ амбаръ зелейный, а въ немъ въ трехъ бочкахъ $17^{1}/_{2}$ пудъ зелья; свинцу въ двухъ свиньяхъ $6^{3}/_{4}$ пудъ, сѣченаго и въ пулькахъ 7 пудъ 5 гривенокъ; 22 ядра желѣзныхъ пушечныхъ, 30 мѣшковъ зарядныхъ пушечныхъ, помело пушечное, набатъ, 21 зарядъ мушкетныхъ на трехъ ременяхъ".[1])

На Емцѣ не ограничились устройствомъ Емецкаго острога. Въ недальнемъ разстояніи отъ него есть двѣ земляныя возвышенности, на которыхъ расположены были станомъ стрѣльцы, присланные изъ Холмогоръ въ количествѣ 100 человѣкъ, подъ начальствомъ стрѣлецкаго сотника Смирнаго Чертовскаго. Противъ западной оконечности острога, на правомъ берегу рѣки, уголъ, образовавшійся отъ сліянія рѣкъ Шарапихи съ Емцею, носитъ названіе „села Шарапова"; оно лежитъ на возвышенности, почти отвѣсной надъ рѣкою этого имени. Съ сѣвера село Шарапово окружено густымъ сосновымъ лѣсомъ, называемымъ и донынѣ „Сотинъ-боръ", который, нѣсколько понижаясь къ югу, оканчивается утесомъ; у подошвы его струятся два узкихъ продолговатыхъ озера —Задворское и Яфанское. Во времена описываемыхъ событій они соединены были со стороны Емцы каналомъ, углубленіе котораго видно и нынѣ. Между этими озерами лежитъ природная земляная возвышенность, вокругъ утесистая, опушенная съ сѣвера надъ каналомъ березовою рощицею. Ровная площадь ея имѣетъ, параллельно озерамъ, одну версту длины и пятьдесятъ саженъ ширины, а высота ея отъ лѣтняго уровня водъ не болѣе пяти саженъ. Эта мѣстность носитъ названіе „Городокъ". Сотинъ Боръ и Городокъ служили стрѣльцамъ засадою, которой способствовало какъ гористое мѣстоположеніе, такъ и въ особенности густой лѣсъ со стороны рѣчекъ Шарапихи и Емцы.

Между тѣмъ изъ шайки черкесовъ и литовцевъ появился отрядъ съ Двинской стороны, и, разсѣявшись, предался грабежу; убилъ также многихъ Емецкихъ крестьянъ, отлучившихся изъ острога. Замѣтивъ острогъ, литовцы устремились вверхъ по Емцѣ, мимо острога и въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Ваймуга за $1^{1}/_{2}$ в. выше с. Емецкаго, впадаетъ въ Емцу, начали переправляться на правый берегъ Ваймуги, называвшійся „Наволокомъ". Тогда стрѣльцы изъ своей засады и крестьяне изъ острога тайно сдѣлали вылазку; соединившись выше переправы ихъ въ лѣсу, ударили соединенными силами на литовцевъ и начали тѣснить въ уголъ Наволока, окруженный рѣками. Объ отступленіи нельзя было и думать, такъ какъ гладкое и безлѣсное мѣстоположеніе На-

[1]) Богословскій. Земское самоуправленіе на Русскомъ Сѣверѣ. М. 1909 г., стр. 116.

волока затруднило бы полученіе успѣха въ обратной переправѣ. Литовцы рѣшились защищаться; завязалась битва, которая кончилась полнымъ пораженіемъ литовцевъ.[1])

Въ числѣ военныхъ трофеевъ сотникъ Чертовской забралъ три знамени и двухъ „языковъ“; послѣдніе потомъ на допросѣ у воеводы въ Холмогорахъ показали, что воровъ на Вагу пришло до семи тысячъ и что они скоро придутъ въ Холмогоры, такъ какъ здѣсь „острогу не чаютъ“.

Между тѣмъ работы по устройству Холмогорскаго острога были окончены. Острогъ былъ поставленъ „стоячій въ одинъ тынъ съ башнями къ Двинѣ рѣкѣ, съ тайникомъ, а на острогѣ церковь Рождества Христова, да осадные дворы посадскихъ и уѣздныхъ и монастырскихъ людей“. Для защиты острога были привезены изъ Архангельскаго города пушки и пороховое зелье, а также пришелъ съ сотней стрѣльцовъ уже упомянутый выше сотникъ Смирный-Чертовскій.

6-го Декабря, къ вечеру, воры показались у Холмогоръ. По исконному русскому обычаю „воевода и дьякъ съ ратными людьми и съ жителями, видя непріятельское нашествіе, молили въ Троицѣ славимаго Господа Бога и Пречистую Богородицу и всѣхъ святыхъ, дабы имъ отъ сихъ враговъ ненавѣтнымъ пребыть“. Затѣмъ были посланы развѣдчики, „изъ острогу высылку высылали сотника стрѣлецкаго Смирнаго же Чертовскаго, а съ нимъ холмогорскихъ стрѣльцовъ и холмогорскихъ охотниковъ; и воровъ встрѣтили въ Ерзовкѣ, и воры хотѣли ихъ отъ острогу отлучить, почали лошадьми объѣзжать и пѣхотою обходить. Сотникъ съ ратными людьми, видя тотъ ихъ воровской обходъ къ острогу, шелъ отводнымъ боемъ, и посадъ за перелоемъ, противъ острогу, и церковь преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ, велѣлъ запалить огнемъ, для того, чтобы ворамъ польскимъ и литовскимъ людемъ, и черкасамъ, и русскимъ измѣнникамъ близь острогу не засѣсть; и пришелъ съ ратными людьми сотникъ въ острогъ, волею Божіею, живы“[2]).

Казаки рѣшили осадить острогъ и обложили его съ двухъ сторонъ: Барышполецъ со своимъ полкомъ сталъ передъ острогомъ въ Глинкинскомъ посадѣ и Ерзовкѣ, а Сидорка и его полкъ расположились съ другой стороны острожка въ посадѣ за Подрокурьей (Курополкой).

Вѣсти, которыя приносили въ острогъ выходцы изъ воровского стана, были очень неутѣшительны. Такъ, 8 декабря пришелъ въ Холмогоры отъ воровъ полонянникъ казакъ Исакъ Сумбуловъ и на допросѣ показалъ, что воры затѣ-

---

[1]) Вальневъ. Архангельскій сборникъ С. П. Б. 1844 г. стр. 86–88. Мѣсто, на которомъ происходила битва, получило названіе „Ратова-Наволока“, а мѣста засады стрѣлецкой извѣстны подъ названіями: „Сотинъ боръ“ и „Городокъ“.

[2]) Двинская лѣтопись. Стран. 18—19.

ваютъ штурмовать острогъ: полкъ Барышпольца на приступъ къ наугольной башнѣ острога „въ штурмъ съ возами соломенными и смоляными, а полкъ Сидорка будетъ нападать на Ильинскую и Проходную башни“. Защитниковъ города это извѣстіе о предстоящемъ приступѣ не обезкуражило и они сами сдѣлали вылазку на посады съ приметами и „приметы зажгли и людей побили“ и даже захватили одного языка-казака Павелка Арчемова, который, будучи пытанъ, на разспросѣ показалъ, что, во время вылазки у нихъ черкасовъ, государевы люди убили шесть человѣкъ, въ томъ числѣ самого полковника Сидорку[1]) и знаменщика Андрюшку и что теперь всѣмъ воровскими силами командуетъ одинъ Барышполецъ.

Ночью на 10-е въ Холмогорахъ опять появился языкъ-выходецъ отъ воровъ Смирко Ивановъ, который повѣдалъ холмогорцамъ, что-де было у воровъ коло и присягали всѣ подъ Холмогорами умереть, что-де они продолжаютъ готовиться къ приступу: сдѣлали 16 штурмъ, готовили 16 возовъ соломы и береста, облитыхъ смолою, запаслись вѣниками, „окупанными въ смолу и сало, а штурмы и возы готовили по двѣ штурмы да два воза съ сотни“, „штурмы же дѣлали—избы разбирали, сажени по три по четыре, лѣсъ польшой“. О количествѣ воровъ и предполагавшемся штурмѣ Смирко разсказывалъ, что главнымъ у воровъ является полковникъ Барышполецъ съ есаулами и черкашениномъ Маркомъ Поздяковымъ и Вышенскимъ, а всего людей въ полку съ 600; изъ нихъ съ огненнымъ боемъ 300 и 300 съ малыми булгаками и въ саадакахъ—мелкіе пахолки[1]) которыхъ ставятъ въ полку, чтобы люднѣе казалось. Если первый приступъ не удастся, то черезъ день—два будетъ произведенъ другой. Вслѣдъ за Смиркомъ Ивановымъ, явился еще выходецъ Александръ Бѣлозерковецъ, который сказалъ, что приступъ будетъ сей же ночью и что всѣхъ воровъ теперь уже 1200 человѣкъ, въ томъ числѣ 300 человѣкъ конныхъ съ пищалями.

Однако ночь на 10 декабря прошла спокойно—приступа не было, а съ утра уже стало извѣстно, что черкасы уходятъ отъ Холмогоръ и думаютъ, пройдя по Двинѣ до моря, пробираться къ Якову Делагарди въ Новгородъ на шведскую службу. Эти свѣдѣнія затѣмъ подтвердили выѣхавшій изъ воровского стана ляхъ Станиславъ Ясинскій и полонянникъ, захваченный ворами при осадѣ Тихвинскаго монастыря.

11-го числа въ Холмогорахъ уже окончательно знали, что часть казаковъ, во главѣ съ Барышпольцемъ, ушла внизъ

---

[1]] По словамъ другого языка Смирки Иванова, Сидорко въ этомъ бою былъ только раненъ, „по ногѣ въ колѣно“ и потому отставленъ отъ командованія.

[1]) Пахолокъ или похоликъ—отрокъ прислужникъ въ отрядѣ, нестроевой.

по Двинѣ къ Архангельску и, въ случаѣ неудачи здѣсь, къ Сумскому острогу, а другая часть—300 человѣкъ, подъ командой сотника Өетка, пошла назадъ вверхъ по Двинѣ на Вагу, причемъ мѣстомъ встрѣчи обоихъ отрядовъ воровского войска былъ назначенъ Каргополь.

Во время осады Холмогоръ, воры разорили принадлежавшую крестьянамъ Комаровымъ деревню Пожарище въ Матигорской волости, а затѣмъ, при своемъ движеніи къ Архангельску, опустошали лежавшія на пути селенія, не щадя при этомъ и храмовъ Божіихъ. Такъ, изъ одной грамоты видно, что въ это „Литовское разоренье въ Кѣхотской волости въ церквахъ Рождества Пресвятыя Богородицы и Великомученика Христова Георгія безвѣстно сгибли благословенные храмосвятные грамоты тѣхъ церквей“ [1]).

Между тѣмъ жители Архангельска, побросавъ свои дворы, амбары, и лавки, засѣли въ городѣ и приготовились къ осадѣ. Передъ самымъ приходомъ воровъ, архангелогородцы вмѣстѣ съ гарнизономъ—сотней стрѣльцовъ [2]) успѣли занять и кой-какъ укрѣпить нѣмецкій дворъ и все подворье со всѣми лавками и амбарами.

Здѣсь опять начинаютъ появляться бѣглецы и выходцы изъ воровского стана. Такъ, 14 декабря прибѣжалъ въ городъ захваченный въ полонъ подъ Тихвинскимъ монастыремъ князь Тимоөей Ивановичъ Оболенскій, который и разсказалъ, что черкасы простоятъ подъ Архангельскомъ 4 дня и затѣмъ пойдутъ въ Николаевскій Корельскій монастырь, въ Ненокское и „Сунское“ усолье и на Онежское устье, откуда уже и направятся въ Новгородъ, причемъ по дорогѣ еще разъ сдѣлаютъ попытку захватить Каргополь.

Ночью того же 14 числа въ городъ явился одинъ архангельскій крестьянинъ и разсказалъ: „пришли де черкасы на Вагинъ островъ и стали во многихъ мѣстахъ“ и его съ двумя другими мужиками поймали въ побѣгѣ и требуютъ съ нихъ выкупа въ 50 рублей. Пришлось обѣщать этотъ выкупъ, и вотъ за этими то выкупными деньгами черкасы его и отпустили въ Архангельскъ, взявъ съ него крестное цѣлованье, что тою же ночью онъ вернется обратно. Относительно плановъ казаковъ крестьянинъ разсказалъ, что они хотятъ „приступать изгономъ и всякимъ промысломъ промышлять надъ городомъ“.

Архангелогородцы однако не унывали и устраивали вы-

[1]) Н. А. Поповъ. „Матеріалы для исторіи Архангельской епархіи“ отд. оттискъ изъ „Чтеній въ Имп. о-вѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московск. Ун-тѣ“ за 1880 г. кн. 2-я.

[2]) По утвержденію Крестинина, „гарнизонъ Пурнаволоцкой (Архангельскій) состоялъ изъ 200 стрѣльцовъ“—„Начертаніе исторіи г. Холмогоръ“, стр. 52. Въ данный моментъ изъ нихъ 100 человѣкъ было въ Холмогорахъ.

лазки изъ города—„посылали подъѣзды и посылки и на тѣхъ посылкахъ воровскихъ людей побивали (до 50 человѣхъ) и языковъ поймали“.

Такъ, 19 декабря возвратились изъ „подъѣзда“ два вологжанина дѣти-боярскіе Василій Скорбѣевъ и Томило Кочкаревъ, которые привезли съ собой захваченнаго въ Неноксѣ казака Илейку. На разспросѣ этотъ Илейка показалъ, что черкасы уходятъ на Онегу для соединенія съ сотникомъ Ѳеткомъ, отдѣлившимся у Холмогоръ, а потомъ пойдутъ въ Новгородъ къ шведамъ; въ случаѣ же выступленія противъ нихъ государевыхъ людей, черкасы собираются „проходить на рубежъ да въ свою землю“.

Напасть на Архангельскъ воры такъ и не рѣшились и „пробѣжали“ внизъ по Двинѣ къ „Студеному морю“, въ Поморье, гдѣ, по сказанію Двинской лѣтописи, „русскихъ людей множество жгли, и побивали, и животы ихъ грабили“ [1]).

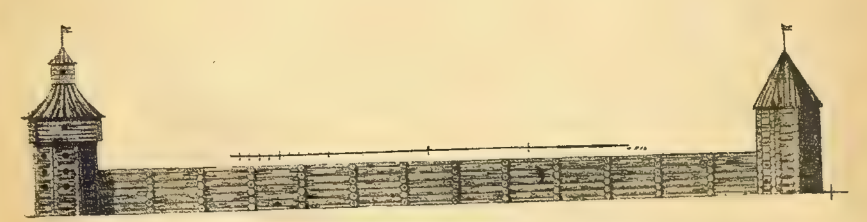
На своемъ пути воры напали сперва на Николаевскій Корельскій монастырь и разорили его. Спустя два года послѣ разоренія, въ 1615 году игуменъ монастыря Каллистратъ съ братіею билъ челомъ царю Михаилу Ѳеодоровичу, что „въ прошломъ деи 122 (1614) году Литовскіе люди Черкасы монастырь, монастырскіе промыслы и вотчины повоевали и разорили до основанія и казну монастырскую взяли, и хлѣбъ конми стравили и животину рогатую побили, а лошади монастырскіе всѣ съ собою поимали и старцовъ и слугъ и крестьянъ многихъ побили, а иныхъ жгли и мучили, и въ монастырѣ кельи и за монастыремъ дворъ и въ вотчинѣ тринадцать дворовъ крестьянскихъ съ животиною и со всѣмъ животомъ сожгли, а прежде деи сего въ 121 (1613) году въ Вологодское разоренье Литовскіе люди и черкасы на Вологдѣ дворъ монастырской и со всякими запасами и съ дощеникомъ сожгли“ [2]).

Идя дальше вдоль морского берега, казаки съ огнемъ и мечемъ прошли черезъ Лодму, посады—Неноксу, Луду и Уну и вездѣ „крестьянскіе дворы и амбары пожгли, церкви пограбили, варницы соляныя разорили и людей иныхъ побили“. Въ Лодмѣ воры „церковную казну всякую пограбили и какія благословенныя грамоты были, съ того литовскаго раззоренья всѣ грамоты изгибли“. Въ Нюхчѣ воры утащили съ колокольни колоколъ въ 100 пудовъ и потомъ оставили его въ с. Толвуѣ. [3]) Наконецъ, они добрались до принадлежавшаго Соловецкому монастырю Сумскаго острога, гдѣ на нихъ напали стрѣльцы и многихъ побили, а оставшіеся въ

[1]) Двинская лѣтопись, изд. Титова, стр. 19.
[2]] А. А. Э., III, 69.
[3]] Краткое описаніе приходовъ и церквей Арханг. епархіи. Арх. 1894—1895 вып. I, стр. 153; вып. II, стр. 146.

Сумскій острогъ.

Кольскій острогъ.

(Изъ Извѣстій Императорской Археологической Коммиссіи СПБ. 1911 г., вып. 39 и 41).

живыхъ поворотили въ Заонежскіе погосты. Только здѣсь царскимъ воеводамъ удалось нагнать воровъ и снова побить ихъ, а потомъ въ Олонецкихъ краяхъ они погибли окончательно, хотя впрочемъ не сразу[1]).

Набѣгъ окончился, но осталось разоренье, остались осиротѣлые, лишившіеся крова и животовъ. Такъ, упомянутые нами выше крестьяне Комаровы—владѣльцы деревни Пожарище въ Матигорской волости, въ 1615 году били челомъ царю Михаилу Ѳеодоровичу, что де „и крестьяне имъ въ тое деревню (Пожарище) называть неможно и самимъ имъ жити невозможно для того, что де ихъ польскіе и литовскіе люди и руские воры повоевали и животы и статки пограбили и платячи де они съ тоѣ деревни всякие доходы и службы и мирские розметы охудали и одолжали великими долги“[2]).

На помощь разоренному краю пришелъ Соловецкій монастырь, самъ пострадавшій отъ разоренья ворами его соляныхъ промысловъ. Въ стѣнахъ Соловецкаго монастыря и нашли себѣ пріютъ всѣ сироты, всѣ лишенные крова и всѣхъ ихъ монастырь долгое время поилъ и кормилъ.

Въ годы Смутнаго времени Архангельскій край служилъ областью, куда ссылали опасныхъ тогдашнему правительству лицъ, причемъ мѣсто поселенія ихъ служили наши монастыри—Сійскій и, главнымъ образомъ, Соловецкій,

Изъ ссыльныхъ этого времени намъ извѣстны: братья Александръ и Федоръ Никитичи Романовы, аббатъ Николай де-Мелло, царь Симеонъ Бекбулатовичъ, разбойничій атаманъ Петръ Отяевъ. Сюда же былъ сосланъ еще при царѣ Феодорѣ Іоанновичѣ и здѣсь же потомъ, уже добровольно вернувшись на Сѣверъ, окончилъ свои дни одинъ изъ главныхъ дѣятелей Смутной эпохи келарь Троицко-Сергіева монастыря Авраамій Палицынъ.

Первыми на нашъ Сѣверъ изъ перечисленныхъ лицъ сосланы братья Романовы, изъ коихъ одинъ (Александръ) былъ отправленъ въ усолье Луду, гдѣ и скончался (въ 1602 г.),[3]) а другой (Федоръ) былъ постриженъ въ монашество подъ именемъ Филарета и сосланъ въ Сійскій монастырь.

Дѣло ссылкѣ Романовыхъ, къ сожалѣнію, остается невыясненнымъ во многихъ подробностяхъ. Внѣшняя сторона это-

[1]) Воры послѣ этого еще не разъ нападали на тѣ или иныя мѣстности нашей губерніи. Такъ въ 1614 году, въ день Рождества Христова, они напали на Кандалакшскій монастырь и разорили его. Въ томъ же 1614 году былъ второй набѣгъ поляковъ на Важскій уѣздъ и разореніе многихъ мѣстъ. Въ 1619 году опять былъ новый—третій по счету набѣгъ поляковъ и литвы на Вагу. „Памятн. кн. Волог. губ. на 1893—1894 г. Вологда 1893. стр. 13. Въ этотъ набѣгъ была разорена Пуйская волость, Шенкурскаго уѣзда, въ которой „литовскіе люди дворы пожгли и людей побили“. [Крат. опис. прих., вып. II, стр. 60].

[2]) „Архангельскія Губернскія Вѣдомости“ 18[illegible] г. № 8, стр. 86—87.

[3]) Тѣло Александра Никитича Романова, по приказанію Самозванца, было перевезено въ Москву и погребено въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей.

го дѣла, по Новому Лѣтописцу, составленному при дворѣ патріарха Филарета, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Царь Борисъ Годуновъ не удовлетворился умерщвленіемъ царевича Димитрія. Онъ замыслилъ „известь“ семью Романовыхъ, „какъ послѣднее царское сродствіе“ и опасныхъ соперниковъ по правамъ на престолъ. Долго и тщетно искалъ онъ людей, которые взвели бы на своихъ господъ поклепъ, дававшій ему возможность достигнуть цѣли. По организованнымъ доносамъ, у Романовыхъ брали многихъ ихъ вѣрныхъ холоповъ и „пытали ихъ многими пытками“. Но тѣ, любившіе своихъ господъ, оставались имъ вѣрными, тѣмъ болѣе, что и сказать про нихъ ничего худаго нельзя было. Наконецъ, предатель нашелся—это былъ казначей Александра Никитича Второй Бартеневъ, самъ бывшій сыномъ боярскимъ и пошедшій затѣмъ въ холопство къ Романовымъ. О предателѣ было доложено царю, который „ему повелѣ сказати многое свое жалованье“. Завѣдывавшій сыскомъ Семенъ Годуновъ уговорился съ Бартеневымъ о томъ, какъ погубить Романовыхъ и далъ ему мѣшки съ кореньемъ. Мѣшки были положены въ казну Александра Никитича. А затѣмъ въ домѣ названнаго боярина произвели обыскъ, мѣшки съ зельемъ были найдены и доставлены на дворъ патріаха. Передъ глазами собраннаго народа и бояръ отравное коренье высыпали изъ мѣшковъ на столъ, а доносчикъ подтвердилъ свои слова о преступныхъ замыслахъ его господина. Призванные къ допросу Романовы встрѣтились въ Боярской Думѣ съ крайней враждебнымъ и пристрастнымъ къ себѣ отношеніемъ. „Бояре же на нихъ, аки звѣріе, рыхаху и кричаху“. Это не дало возможности молодымъ Романовымъ отвѣчать, вслѣдствіе страшнаго шума и крика. За допросомъ, заподозрѣнныхъ арестовали и неоднократно приводили ихъ пыткѣ. Пытали и многочисленныхъ слугъ ихъ, но тѣ были тверды и, умирая подъ пытками, говорили о невинности своихъ господъ. Наконецъ, участь Романовыхъ и ихъ близкихъ была рѣшена. Трое изъ нихъ были пострижены, остальные подверглись ссылкѣ, въ которой, по приказу царя, нѣкоторые умерщвлены.

Хотя ни изъ чего нельзя заключить, чтобы правительство Бориса предъявило Никитичамъ обвиненіе именно въ томъ, что они хотѣли покуситься на власть царя Бориса, однако на такой характеръ подозрѣній противъ Романовыхъ указываетъ уже то обстоятельство, что старшаго брата изъ Никитичей, Федора, Борисъ велѣлъ постричь въ монахи,—мѣра, которая дѣйствительнѣе прочихъ лишала невольнаго пострижника возможности выступить на политическое поприще, въ качествѣ претендента на власть и санъ. „Съ другой стороны, пишетъ проф. Платоновъ, даже въ оффиціальныхъ сношені-

яхъ негласно дупускались намеки на политическія притязанія Романовыхъ. Такъ, одинъ изъ простоумныхъ приставовъ, бывшихъ при Романовыхъ, упоминалъ въ своемъ отчетѣ начальству, какъ онъ высказалъ В. Романову что они „злодѣи, измѣнники, хотѣли царство достати вѣдовствомъ и кореньемъ“. Задолго до разгрома Романовскаго дворца, учрежденъ былъ надзоръ за братьями Романовыми, и Борисъ вызвалъ и поощрялъ доносы, „доводы“ на нихъ: „всѣхъ доводчиковъ жaловаше больше —Федоровыхъ людей Никитича съ Романова братьею“. По доносамъ дѣлали аресты, „имаху у нихъ людей многихъ“ и нѣкоторыхъ даже пытали. Но люди не вѣдали ничего „за своими государями“, пока не нашелся предатель Второй Никитинъ Бартеневъ. Онъ происходилъ изъ государевыхъ служилыхъ вотчинниковъ Бартеневыхъ, сидѣвшихъ гнѣздомъ въ Сурожскомъ стану Московскаго уѣзда; съ государевой службы ушелъ онъ во дворъ Федора Никитича, а затѣмъ сталъ казначеемъ у Александра Никитича. Этотъ боярскій холопъ, вѣроятно, желая возвратиться на государеву службу, средствомъ для этого избралъ доносъ. Онъ донесъ, какъ говорятъ „облыжно“, что его „государь“ Александръ Никитичъ держитъ у себя коренье (это коренье самъ Бартеневъ подложилъ будто бы въ хозяйскую казну). Коренье нашли, Романовыхъ арестовали, допрашивали, даже приводили къ пыткѣ, и князя Ивана Черкасскаго съ ними. Родню Романовыхъ: Черкасскихъ, Сицкихъ, Репниныхъ, Шестунова, Карповыхъ, Шереметевыхъ также привлекли къ дѣлу. Допрашивали и пытали ихъ холоповъ. Образовался, словомъ, обширнѣйшій розыскъ, для котораго пресловутое коренье послужило, очевидно, только точкою отправленія. Невозможно допустить, чтобы одни волшебные корешки, безъ другихъ уликъ, послужили достаточнымъ основаніемъ для обвиненія цѣлаго родственнаго круга лицъ, принадлежавшихъ къ высшему слою служилаго класса, лицъ вліятельныхъ и популярныхъ, связанныхъ узани кровмаго родства съ только что угасшею династіею, къ которой Борисъ исповѣдывалъ такую благоговѣйную преданность. Очевидно, что Годуновъ съ его думцами-боярами доискался чего то болѣе серьезнаго, чѣмъ корешки. Одни корешки въ казнѣ Александра Никитича не привели бы къ царской опалѣ все „племя“ виновнаго, какъ бы строго не выдерживали свойственный тому времени принципъ групповой отвѣтственности. Происшедшее одновременно съ опалою Романовыхъ удаленіе В. Щелкалова, всегда близкаго къ племени Никиты Романовича, указываетъ на то, что предметомъ обвиненія служило не простое вѣдовство, а нѣчто болѣе сложное, выходившее за предѣлы личнаго или узко-семейнаго проступка. На то же намекаетъ и инструкція,

данная приставамъ, отправленнымъ съ осужденными „измѣнниками“ на мѣста ихъ ссылки,—писать „къ государю про тайныя государевы дѣла, что проявится отъ его государевыхъ злодѣевъ и измѣнниковъ“. Не лишено значенія, что, по неоднократному свидѣтельству источниковъ, не столько самому Борису, сколько боярамъ его принадлежало первенство въ преслѣдованіи Романовскаго круга,—знакъ, что дѣятельность этого круга, вмѣненная въ преступленіе, трогала не одного Бориса: за вѣдовство врядъ ли бы кто сталъ особенно настаивать противъ Никитичей и искать ихъ головъ. А между тѣмъ, по Новому Лѣтописцу, „бояре многіе на нихъ, аки звѣріе, пыхаху и кричаху“. Самъ Феодоръ Никитичъ въ ссылкѣ говорилъ: „бояре мнѣ великіе недруги: искали головъ нашихъ, а иные научали на насъ говорити людей нашихъ, а я самъ видалъ то не одиножды. „Погибли мы напрасно, безъ вины ко государю, въ наносѣ отъ своей же братьи“, жаловался Василій Никитичъ, „а они на насъ наносили не узнався, а и сами они помрутъ вскорѣ, прежде насъ“. Врядъ ли здѣсь было проявленіе личной злобы и мести противъ семьи Романовыхъ. Ниоткуда нельзя было заключить, чтобы у Романовыхъ была съ кѣмъ-либо частная вражда или непріязнь; напротивъ, уже тогда популярность Никиты Романовича и его рода была закрѣплена пѣснями про Грознаго царя. Только политическая рознь, по нашему мнѣнію, могла на Романовскій кругъ вооружить бояръ другого, въ данномъ случаѣ Годуновскаго круга. Люди, связавшіе свои успѣхи съ господствомъ Бориса, могли бояться дѣятельности враждебныхъ Борису или далекихъ отъ него бояръ, въ томъ числѣ и братьевъ Никитичей, такъ какъ было извѣстно, что очень и очень многіе бояре не примирились съ воцареніемъ Бориса“.[1])

Новый Лѣтописецъ, говоря о постриженіи старшаго изъ Никитичей, ограничивается краткой, но не лишенной выразительности и силы фразой: „Онъ же, государь, неволею бысть постриженъ, да волею и съ радостью веліею и чистымъ сердцемъ ангельскій образъ воспрія и живяще въ монастырѣ въ постѣ и молитвѣ“. „Нѣтъ сомнѣнія, пишетъ Васенко, что искренняя и горячая вѣра, которой были крѣпки наши предки, укрѣпляла и поддерживала насильственно постриженнаго Филарета. Но несомнѣнно также, что старшій изъ сыновей Никиты Романовича долженъ былъ много и мучительно перестрадать въ ссылкѣ въ отдаленной и глухой обители, находясь подъ строгимъ и стѣснительнымъ наблюденіемъ. Первый щеголь и красавецъ въ Москвѣ, видный, статный, ловкій и бодрый, невольно напоминающій намъ своего великаго правнука, императора Петра,

[1]) Платоновъ. Очерки по исторіи Смуты въ Московскомъ государствѣ въ 16—17 в.в. Изд. 3. С. П. Б. 1910 г.; стр. 230—233.

бояринъ внезапно лишился семьи, радостей счастливой жизни, исключительно высокаго положенія, свободы и очутился въ тѣсной и убогой монастырской кельѣ. Единственнымъ утѣшеніемъ невольнаго инока былъ его „малый“, т. е. одинъ изъ его холоповъ, котораго Филарету разрѣшено было имѣть при себѣ. Съ этимъ преданнымъ ему человѣкомъ онъ жилъ „душа въ душу“ [1]).

Содержать Филарета было предписано въ „покоѣ и безъ нужи“, выдавая ему отъ монастыря скуфью, ряску, шубу, сапоги. Заключенному предоставлено было также, буде захочетъ, стоять на клиросѣ, лишь бы только никто съ нимъ не разговаривалъ. Но въ то же время за Филаретомъ былъ учиненъ „крѣпкій“ надзоръ, приказано было смотрѣть, что бы никто изъ богомольцевъ не подходилъ къ его кельѣ, не разговаривалъ съ нимъ и не передавалъ писемъ, запрещено было даже глядѣть „на измѣнника Государева“ и ходить близь того мѣста, гдѣ онъ былъ заключенъ.

Великое „береженье“ было тяжело не только для Филарета, оно отражалось и на всемъ монастырѣ. Монастырь былъ окруженъ оградой даже со стороны прилегавшаго къ нему озера и задѣланы всѣ проходы между кельями. Приставленный къ старцу приставъ „Богдашко Воейковъ“ для того, чтобы устранить всякую возможность письменныхъ или устныхъ сношеній Филарета съ братьями и друзьями, запретилъ пускать въ монастырь постороннихъ людей, ссылаясь на отсутствіе царскаго указа объ этомъ, а крестьяне монастырскіе, приходившіе молиться въ монастырь, пропускались не иначѣ, какъ „съ приставомъ, съ сторожами“. У монастырскихъ воротъ былъ поставленъ сторожъ, который былъ обязанъ ходить къ Воейкову и доносить про всякихъ прохожихъ людей, кто такой человѣкъ и откуда пришелъ.

Вообще береженье „въ покоѣ и безъ нужи“, предписанное царскимъ указомъ, придирчивыми приставами было обращено для Филарета Никитича въ тяжелое тюремное заключеніе. Есть свѣдѣнія, что онъ былъ первоначально помѣщенъ въ темномъ сыромъ подвалѣ подъ церковью“, терпѣлъ келейное утѣсненіе“, а также „въ пищѣ и питіи оскудѣніе и отъ приставовъ многое и безмѣрное и безчисленное оскорбленіе и и во всемъ и отъ всѣхъ безчестіе“.

Къ „береженью накрѣпко“ присоединилось еще постоянное шпіонство за Филаретомъ Никитичемъ. Такъ, у проживавшаго съ нимъ бѣльца Воейковъ постоянно допытывался или самъ или черезъ другихъ, о чемъ говоритъ съ нимъ старецъ „или про кого разсуждаетъ ли и друговъ своихъ котораго имянно поминаетъ ли“?, но бѣлецъ давалъ одинъ

[1]) Васенко. - Начало династіи Романовыхъ. С. П. Б. 1912 г., стр. 72-73.

отвѣтъ, что „старецъ отнюдь де съ нимъ ничего не говоритъ“. Въ другой разъ приставъ велѣлъ сыну боярскому Петру Болтину того же „малаго“ распрашивать „что съ нимъ коли старецъ разговариваетъ ли, про кого разсуждаетъ-ли?“ И малой ему сказывалъ: „со мною де ничего не разговариваетъ, лише де коли жену вспомянетъ и онъ де говоритъ: „милые де мои дѣтки, маленьки де бѣдные осталися, кому де ихъ поить и кормить? таково ли де имъ будетъ нынѣ, каково имъ при мнѣ было? а жена де моя бѣдная, наудачу уже жива ли? чаетъ де она, гдѣ близко таковожъ де замчена, гдѣ и слухъ не зайдетъ; мнѣ де ужь что надобно? лихо де на меня жена да дѣти, какъ де ихъ помянешь, ино де что рогатиной въ сердце толкнетъ; много де иное они мнѣ мѣшаютъ; дай, Господи, слышать, чтобы де ихъ ранѣе Богъ прибралъ, и язъ бы тому обрадовался, а чаю де, жена моя и сама рада тому, чтобъ имъ Богъ далъ смерть, а мнѣ бъ де ужъ не мѣшали, я бы де сталъ промышляти одною своею душею, а братья де ужь всѣ, далъ Богъ на своихъ ногахъ“. Неразговорчиваго бѣльца, съ которымъ хорошо сошелся Филаретъ („малой государеву измѣннику душа въ въ душу“ доносилъ Воейковъ), на томъ основаніи, что молъ „и только малому впредь жити въ кельѣ у Государева измѣнника и намъ отъ него ничего не слыхать“, по указу государеву, велѣно было замѣнить „старцемъ того монастыря, въ которомъ бы воровства какого не чаять“.

Воейковъ и самъ пытался распрашивать Филарета Никитича, пробуя вызвать его своими разговорами о прежней жизни Филарета на воспоминанія или сожалѣнія и даже упреки по адресу своихъ враговъ, но старецъ въ разговорахъ съ нимъ былъ остороженъ. Ретивому приставу удалось узнать только мнѣніе старца Филарета о боярахъ, именно, Филаретъ Никитичъ говорилъ: „бояре де мнѣ великіе недруги, искали де головъ нашихъ, а иные де научали на насъ говорить людей нашихъ, а я де самъ видалъ то не одиножды; не станетъ де ихъ (бояръ) съ дѣло ни съ которое, нѣтъ де у нихъ разумнаго; одинъ де у нихъ разуменъ, Богданъ Бѣльской, къ посольскимъ и ко всякимъ дѣламъ добрѣ досужъ“.

Несмотря однако на это береженье, Филаретъ Никитичъ все же находилъ возможность сноситься со своимъ семействомъ. Въ одной изъ грамотъ царя Михаила Ѳеодоровича говорится, что „многіе изъ крестьянъ, иноковъ и священниковъ непоколебимымъ умомъ и твердостью разума служили и прямили и доброхотствовали[1]) во всемъ Марфѣ Ивановнѣ и про

[1]) Къ числу этихъ доброхотовъ надо отнести и игумена Сійскаго монастыря Іону, которому потомъ, будучи патріархомъ, Филаретъ выхлопоталъ для монастыря безпошлинную продажу соли, за то, что „береженьемъ его съ братіею сохраненъ отъ напрасныя смерти“.

здоровье Филарета Никитича провѣдывали и обвѣщали и въ такихъ великихъ скорбяхъ во всемъ помогали“. До насъ даже дошло, правда, въ копіяхъ вызывающихъ подозрѣніе относительно ихъ подлинности, письмо самого Филарета Никитича къ брату Ивану Никитичу въ Пелымъ.

Приводимъ здѣсь это интересное письмо цѣликомъ:

Превозлюбленному брату моему Ивану.

„Превозлюбленному брату моему о Хрістѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, отъ изгнанія пишу убогій старецъ Филаретъ. Лѣта 7110 мѣсяца Августа, 8 день, бѣды моей лѣто второе. О увы, нынѣ наста время злобы, мятежей и бѣдъ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродниковъ, бѣды и отъ свойственниковъ, бѣды въ морѣ, бѣды въ мірѣ, бѣды въ домѣхъ и въ путехъ, бѣду пріятъ и отъ сотоварищей, клевещущихъ на мя. Увы! Разлучаютъ мя дому, жены, чада, лишаютъ имѣнія, Гдѣ наслажденія и богатства? Иногда наслаждахся яко князь, нынѣ во изгнаніи яко разбойникъ, иногда веселяхся въ гордости велицей яко вельможа, нынѣ яко единъ отъ убогихъ; иногда въ златотканныя облачахся ризы, нынѣ во вретище и влясяныя рубы худыя; иногда вино драгое піяхъ, здѣ водою иногда сладостно питахся, здѣ хлѣбъ сухъ растворенными слезами моими растворяхъ; иногда о веселіяхъ промышляхъ и богатствахъ всего міра пожихъ, а здѣ въ воздыханіяхъ и слезахъ поминая своя грѣхи; иногда съ царскими Князи и вельможами о пользѣ народной промышляхъ, и кровь ради своего отечества изливахъ, разгоняя мечемъ съ воинственной дружиною поганыхъ бесурманъ полки; а нынѣ обѣты воздаютъ ми во уединеніи и конечномъ порабощеніи ко игумену и всей братіи о Хрістѣ, съ смиреніемъ и кротостію, и безмолвіи и послушаніи, и еже отсѣщи свою волю въ промыслѣхъ.

„Увы, превозлюбленный брате мой, присный и милый, утѣши старца безъ вины страждуща; утѣши, свѣтѣ мой превозлюбленный, мало своимъ рукописаніемъ, како въ мирѣ терпятъ бѣду жена моя и чада моя. Впрочемъ моего добраго упованія полагаю на изліявшаго Пречистую кровь свою на крестѣ Законоположника Хріста Бога нашего Господа Іисуса, миръ мірови дающе. Тако азъ въ мірѣ бѣду пріяхъ: ово братій моихъ родныхъ лишихся и ушима моима слышахъ, колико врагъ изнесъ имъ бѣды томленіемъ и гладомъ, нуждою и ранами смерть пріяли, во изгнаніи яко злодѣи, въ чужихъ странахъ по единому разсѣяны бяху. И азъ всегда предъ очима моими вижу скорбь не малу отъ лжесловія и и клеветы и извѣтникъ, ово отъ ложнаго писанія на мя подающихъ, не токмо отъ мірскихъ, но и отъ духовныхъ отецъ, поснически живущихъ, а злобою всегда промышляющихъ. Едину токмо утѣшенія надежду имѣю, хотя гонимъ и яко

Павелъ бѣду терплю, но къ той воспою: „Александръ ковачь много ми зла сотвори, да воздастъ ему Богъ“. И азъ во изгнаніи зову: Борисъ много ми зла сотвори, да судитъ ему Богъ. Не завидую свѣтлости сана и не желаю величества имени его. Не похищаю ми недарованнаго престола и не привлачаю власти неправеднымъ пролитіемъ крови; поне сея есть яко сонъ и сѣнь, и яко пара, на воздуху преходящая; а житіе сіе есть подобно гостинницѣ; никто же бо вшедъ хощетъ украсити ю, но даже и послѣдняго рюхла повелитъ изнести. Поистинѣ судитъ ему Богъ. Колико кратно Богъ показни Отечество наше, ово гладомъ, ово моромъ, ово возмущеніемъ лжебратіи и пролитіемъ неповинной крови, то отъ русскихъ измѣниковъ, то отъ скверной Литвы и богоненавистныхъ Польскихъ людей и проклятыхъ Лютеранъ, всегда промышляющихъ проглотити Христіанскій родъ, и безъ вѣсти сотворити, діаволу имъ споспѣшествующу, а Богу попустившу. Колико церквей святыхъ разориша, монастырей разграбиша, и отцевъ въ постѣ просявшихъ яко класы серпомъ посѣкоша, и дѣвъ, уневѣстившихся Христови, оскверниша, села и грады огнемъ пожгоша. О увы, аще не въ сія мы плачевные времена достигохомъ. Ропотъ и несогласія и самолюбіе, гнѣвъ и немилосердіе пріиде между собратіею. Поистинѣ погибе исполинъ и человѣкъ ратникъ, и судья и пророкъ, погибе смотреливый старецъ и пятидесятникъ, и дивный совѣтникъ и премудрый художникъ и разумный послушникъ, и поставиша себѣ юноши за князи и ругатели, да обладаютъ нами. Поистинѣ отъ бѣды бѣду пріяти тщимся, и въ бѣдахъ плачевныхъ, аки въ глубинѣ морстей, вси погибаемъ. Вѣсть Господь, что потомъ въ страшныхъ бѣдахъ иматъ быти, поне вся наша низпадаху и мнѣ яко несть надежды къ совершенному возстанію. Обаче на вся сильныя взираю щедроты Всемогущаго Бога и Отца Господа нашего Іисуса Христа, Ему же славу и хвалу отъ недостойныхъ нашихъ устъ возслемъ и Святому исходительному и животворящему утѣшительному Духу отъ недостойныхъ сердецъ пѣснь принесемъ всегда и нынѣ и присно и вѣки вѣкомъ аминь“ [1]).

Хотя лишеніе свободы и любимой семьи и не сломили мощной и властной природы Филарета, но все же эти бѣдствія оставили тяжелый слѣдъ на его характерѣ. Филаретъ Никитичъ сдѣлался чрезвычайно раздражительнымъ и вспыльчивымъ. При томъ, не смотря на придирчивую подозрительность наблюденія за „старцемъ“, до него все же доходили вѣсти и слухи со стороны. Повидимому, онъ услыхалъ про

[1]) Издатель письма г. Тромонинъ замѣчаетъ: „письмо это находится въ спискахъ у нѣкоторыхъ любителей и собирателей старины; подлиннаго же намъ не случалось видѣть; о достовѣрности его предоставляемъ судить“.—„Достопамятности Москвы“. Изданіе Корнилія Тромонина. М. 1845 г. Стр. 38-39.

успѣхи Самозванца и получилъ надежду, что царя Бориса Годунова скоро свергнутъ съ престола. Тогда неминуемо должна была быть облегчена и его участь. Все это возбуждало невольнаго инока и доставляло большія непріятности его надзирателямъ. Поэтому въ мартѣ 1605 года. Богданъ Воейковъ долженъ былъ донести царю Борису, что „живетъ старецъ не по монастырскому чину, всегда смѣется невѣдомо чему и говоритъ про мірское житье... и къ старцамъ жестокъ". Такъ, 3 февраля 1605 года Филаретъ „старца Иринарха лаялъ и съ посохомъ къ нему прискакивалъ и изъ кельи его выслалъ вонъ и въ келью ему старцу Иринарху къ себѣ ходити и за собой не велѣлъ ходити некуда". При этомъ Филаретъ говорилъ другимъ старцамъ: „увидятъ они, каковъ онъ впередъ будетъ", а нынѣ де и въ Великій постъ у отца духовнаго тотъ старецъ Филаретъ не былъ и къ церкви не приходитъ и на крылосѣ не стоитъ".

Объ этой перемѣнѣ въ старцѣ приставъ Воейковъ поспѣшилъ, донести царю Борису и тотъ прислалъ игумену грамоту о строжайшемъ надзорѣ за заточникомъ, „чтобы старецъ Филаретъ въ смуту не пришелъ, или изъ монастыря не убѣжалъ—но жилъ во всемъ смирно, по монашескому чину". Затѣмъ игумену предписывалось взять Филарета къ себѣ въ келью („и у него же жить еще старцу") и наблюдать за нимъ, „былъ бы въ послушаньи, и не безчинствовалъ, но жилъ во всемъ по иноческому обѣщанію, а отъ дурна игуменъ бы его унималъ и разговаривалъ". „А которые люди учнутъ къ игумену приходити и онъ бы имъ велѣлъ приходити въ переднюю келью, а старецъ бы въ ту пору былъ въ комнатѣ или въ чуланѣ, а незнаемыхъ бы еси людей игуменъ къ себѣ не пущалъ и нигдѣ бы старецъ Филаретъ съ прихожими людьми ни съ кѣмъ не сходился".

Но вскорѣ самъ Годуновъ скончался. Когда же воцарился Самозванецъ, то Филаретъ былъ освобожденъ, а затѣмъ и получилъ большія почести.[1])

Сдѣлавшись патріархомъ всероссійскимъ, Филаретъ Никитичъ не забывалъ Сійской обители и никогда не оставлялъ ее милостями.

Такъ въ 1622 году патріахъ далъ монастырю 100 руб. на покупку соляной варницы.

Въ 1628 году было прислано отъ него большое мѣдное паникадило съ 24 подсвѣчниками, утвержденными на дугахъ; вѣсомъ 9 пуд. 21 фунт.

Въ томъ же году пожертвованъ покровъ на раку преп.

---

[1]) Освобожденный Лжедимитріемъ, Филаретъ въ 1606 году посвященъ былъ въ митрополиты Ростовскіе и Ярославскіе; съ 1611 до 1619 года находился въ польскомъ плѣну и, по возвращеніи, торжественнаго возведенъ съ санъ патріарха.

Антонія Сійскаго, изъ чернаго бархата, по срединѣ его восьмиконечный крестъ изъ 40 серебряныхъ золоченыхъ дробницъ, кругомъ по полямъ хорошею вязью вышиты золотомъ тропарь и кондакъ Кресту и слѣдующія слова: „7136 (1628) положилъ сій покровъ Преподобнаго Антонія въ Сійскій монастырь великій государь святѣйшій Филаретъ Никитичъ патріархъ Московскій и всея Русіи".

Въ томъ же году былъ присланъ большой серебряный потиръ съ звѣздицей и тремя блюдцами, а также серебряное копіе съ восьмиконечнымъ крестомъ.

Въ томъ же году былъ присланъ къ мѣстному образу Святой Троицы, писанному, по преданію, самимъ Антоніемъ Сійскимъ, серебрянный чеканный съ черныю окладъ, дѣланный въ Москвѣ изъ монастырскаго серебра „съ приложеніемъ къ большому украшенію изъ патріаршей казны".

Въ томъ же году пожалованы были ризы персидской матеріи по красному атласу, съ кругами разныхъ шелковъ съ золотомъ, и съ оплечьями, шитыми золотомъ и серебромъ по черному бархату.

Въ томъ же году, по указу патріарха, дворецкій его Иванъ Васильевичъ Биркинъ далъ по думномъ дворянинѣ дьякѣ Васильевѣ и по сынѣ его Иванѣ 100 руб.

Въ 1629 году „ради духовныя любви и въ благословеніе" былъ присланъ образъ—складень на кипарисныхъ доскахъ съ серебропозлащеннымъ окладомъ, съ изображеніемъ на одной половинѣ Неопалимой Купины, а на другой половинѣ: Святой Троицы, Архангела Михаила, Чудотворца Николая, Великомученика Федора Стратилата и Преподобнаго Александра Свирскаго.

Въ 1630 году было прислано въ монастырь Евангеліе напрестольное въ десть, печати московской, выхода 1627 года, при грамотѣ слѣдующаго содержанія: „Отъ Великаго Государя Святѣйшаго Патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Руссіи, въ Сійской Антоніевъ монастырь игумену Іонѣ съ братьею. По нашему указу посланъ къ вамъ Живоначальныя Троицы окладъ образу, да Евангеліе напрестольное съ Евангелисты серебряны—золочены, съ москвитиномъ Богданомъ Щепоткинымъ. И какъ къ вамъ сія наша грамота придетъ, а Богданъ Щепоткинъ къ вамъ въ Сійскій монастырь Живоначальныя Троицы окладъ образу и Евангеліе привезетъ, и вы бы у него тотъ окладъ и Евангеліе взяли, а какъ возьмете, и вы бы о томъ отписали къ намъ къ Москвѣ, а отписку велѣли отдать въ нашемъ дворцовомъ приказѣ дворцовому и дворецкому нашему Алексѣю Игнатьевичу Зубову да діакону нашему Григорію Иванову. Писана въ Москвѣ лѣта 7138 (1630) іюля въ 27 день".

Изъ прочихъ вкладовъ патріарха Филарета извѣстны:

1) Складень двухстворчатый, каждая сторона коего подъ слюдой; на одной створкѣ изображены Владимірская икона Божіей Матери съ серебропозлащеннымъ вѣнцомъ и цатою, Іоаннъ Богословъ и Марія Магдалина, на другой створкѣ— Распятіе рѣзное, Нерукотворенный образъ и два ангела.

2) Яйцо страфокамилово въ 104 руб. 60 коп. (подъ паникадило.)

3) Нѣсколько крестовъ и панагій, вдѣланныхъ въ позолоченный кіотъ подъ стекломъ, находящійся въ соборномъ храмѣ на особомъ аналогіѣ [1]).

Въ патріаршество Филарета Никитича Сійскій монастырь разростался и богатѣлъ, увеличивался черезъ прибавленіе къ нему приписныхъ обителей и пустыней.

Такъ, въ 1619 году грамотою патріарха Филарета Никитича была приписана къ Сійскому монастырю Чирцева пустынь (въ 55 вер. отъ Мезени), отданы царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ вѣдѣніе монастыря Кривецкій мужской монастырь и Троицкая,—Устюжскаго уѣзда, пустынь и Пѣстова пустынь, что въ Устюжскомъ уѣздѣ на Егрышѣ; затѣмъ было приписаны около того же 1619 года Клоновскій на р. Ваенгѣ и въ 1633 году Лявленскій монастыри. Кромѣ того монастырь Сійскій пользовался еще нѣкоторыми льготами, выхлопотанными ему Филаретомъ, напр. безпошлиннымъ провозомъ 20.000 пудовъ соли въ Вологду [2]).

Слѣдующимъ по времени заточникомъ нашего края былъ нѣкій Николай де Мелло „Гишпанскія земли чернецъ“[3]). Какихъ либо свѣдѣній о пребываніи его въ Соловецкомъ монастырѣ до насъ не сохранилось, не дошла даже и самая грамота о его ссылкѣ, въ силу чего намъ приходится ограничиться лишь біографическими данными объ этомъ ссыльномъ и выясненіемъ причинъ его заточенія въ Соловки.

Николай де Мелло происходилъ изъ знатной португальской семьи, жившей въ американскихъ владѣніяхъ и еще юношей поступивъ въ орденъ отшельниковъ св. Августины, занимался миссіонерской дѣятельностью, распространяя католичество въ Мексикѣ и на Филиппинскихъ островахъ. Въ концѣ XVI столѣтія, по порученію своего орденскаго начальства, онъ, въ сопровожденіи обращеннаго имъ въ христіан-

---

[1]) Памятникомъ заточенія Филарета Никитича въ Сійскомъ монастырѣ является также старинное кресло съ рѣзными столбиками и обитымъ кожей сидѣньемъ, переданное на храненіе въ Архангельскій городской публичный музей.

[2]) Смотр. статью свящ. Всев. Перовскаго „Антоніево-Сійскій монастырь“ въ кн. „Краткое историч. опис. монастырей Арханг. еп.“ Арх. 1902, стр. 116 и С. В. Максимова—„Годъ на Сѣверѣ“, стр. 694.

[3]) См. о немъ статью о. Пирлинга „Николай де Мелло, гишпанскія земли чернецъ“. Русск. Старина 1902 г. Май, стр. 303—312.

ство японца, тоже Николая, отправился въ Европу. Перебравшись въ Индію, они почему то вынуждены были ѣхать сухимъ путемъ. При проѣздѣ ихъ черезъ Персію, шахъ Аббасъ II удостоилъ Николая де Мелло своимъ особеннымъ вниманіемъ, далъ ему письма къ римскому папѣ и королю испанскому, а также разрѣшилъ ѣхать съ персидскимъ посольствомъ въ Европу, отправленнымъ для заключенія съ европейскими государями союза противъ турокъ. Посольство благополучно прибыло въ Москву и здѣсь Николай де Мелло, отдѣлившись отъ него, жилъ у одного доктора, католика, совершалъ въ домѣ его богослуженіе и крестилъ его новорожденную дочь по католическому обряду.

Обо всемъ этомъ, по доносу одного англичанина, бывшаго также въ персидскомъ посольствѣ и изъ за чего то неполадившаго съ де Мелло, узналъ царь Борисъ Годуновъ. У Николая де-Мелло произвели обыскъ и нашли грамоты шаха Аббаса къ папѣ и испанскому королю. Мнительному Борису и бумаги и самъ аббатъ показались подозрительными и Николая де-Мелло съ человѣкомъ его „отправили въ 1600 году въ Соловецкій монастырь „подъ началъ". Одинъ изъ современниковъ-поляковъ, неизвѣстный по имени авторъ „Дневника Марины", разсказывая объ этой ссылкѣ, говоритъ, между прочимъ, и объ ея мотивахъ, именно, что „русскіе, постоянные враги истинной религіи и проповѣдниковъ ея, увидѣвъ изъ писемъ, отобранныхъ у Николая де-Мелло, сколь преданъ Шахъ вѣрѣ католической и опасаясь, чтобъ такой сильный Государь не принялъ ея и не распространилъ въ во всѣхъ своихъ владѣніяхъ, заключили монаха въ тяжкіе оковы и сослали въ городъ Соловки".

Въ концѣ концовъ, о заключеніи Николая де-Мелло какими то путями узнали въ Римѣ и папа Климентъ VIII принялъ мѣры къ его избавленію, поручивъ кармелитамъ, ѣхавшимъ въ Персію черезъ Россію, похлопотать объ Николаѣ де-Мелло. Дѣло было при Димитріѣ Самозванцѣ, который заинтересовался этимъ заточникомъ и рѣшилъ, вызвавъ его изъ Соловецкаго монастыря, отправить посломъ въ Испанію къ королю. Не успѣлъ Николай еще и добраться изъ монастыря до Москвы, какъ Дмитрій былъ уже свергнутъ съ престола, а новый царь Василій Шуйскій вмѣсто Испаніи отправилъ его снова въ монастырь—Борисоглѣбскій, близъ Ростова. Здѣсь обоихъ Николаевъ—аббата и его спутника убѣждали перейти въ православіе, даже будто бы обѣщали де Мелло архіерейскій санъ, но тщетно. Лишь въ 1612 году Николаю де-Мелло удалось выйти на свободу. Его вызвала изъ монастыря Марина Мнишекъ, съ которой онъ попалъ потомъ въ Астрахань, а затѣмъ вмѣстѣ съ нею и Заруцкимъ былъ взятъ стрѣльцами въ

плѣнъ. Дальнѣйшая судьба Николая де-Мелло точно неизвѣстна.

Дальше въ ряду заточниковъ Сѣвера въ Смутное время мы должны упомянуть царя Симеона Бекбулатовича, присланнаго въ Соловки въ 1606 году и пробывшаго здѣсь до второй половины 1612 года.

Мы позволимъ себѣ остановиться на біографіи этого ссыльнаго, испытавшаго на себѣ всѣ превратности судьбы.[1])

Царь Симеонъ Бекбулатовичъ—татарскій царевичъ Саинъ Булатъ сначала былъ ханомъ Касимовскимъ. Въ 1573 году онъ крестился, принявъ имя Симеона и затѣмъ женился на дочери боярина Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго. Около этого же времени въ его жизни произошла рѣзкая перемѣна: волею царя Іоанна Грознаго онъ сдѣлался великимъ княземъ всея Руси, или, какъ говоритъ объ этомъ одинъ современный источникъ—„произволилъ царь Иванъ Васильевичъ и посадилъ царемъ на Москвѣ Симеона Бекбулатовича, а самъ назвался Иванцемъ Московскимъ и вышелъ изъ города, жилъ на Петровкѣ; весь свой чинъ царскій отдалъ Симеону, а самъ ѣздилъ просто, какъ бояринъ въ оглобляхъ, и какъ пріѣдетъ къ царю Симеону, ссаживается отъ царева мѣста далеко, вмѣстѣ съ боярами“.

Княженіе Симеона продолжалось съ октября 1575 года по іюнь 1576 г., во второй половинѣ котораго царь Іоаннъ Васильевичъ вновь вступилъ въ правленіе Русью и отослалъ Симеона въ его имѣнія, давъ ему титулъ царя Тверского.

Послѣ смерти Іоанна Грознаго, судьба Симеона Бекбулатовича опять рѣзко измѣняется. Дѣло въ томъ, что, по словамъ одного историка, „чрезвычайныя почести отъ царя Іоанна Грознаго, подкрѣпляемыя свойствомъ съ царскимъ родомъ, придавали такую знаменитость Симеону, что, не смотря на довольно ограниченныя способности его, многіе помышляли о возведеніи его на царство, по ожидаемой кончинѣ Ѳеодора. Сіе расположеніе умовъ не могло укрыться отъ Годунова“[2]) и по его проискамъ, царя Симеона лишили званія и имѣнія и сослали въ село Кушалино (Тверской губерніи). Въ это же время онъ и ослѣпъ, хотя современники приписывали это ослѣпленіе Борису Годунову.

Съ воцареніемъ Самозванца, Симеону велѣли быть ко двору и дозволили снова именоваться царемъ. Симеонъ Бекбулатовичъ согласился на предложеніе Димитрія и пріѣхалъ въ Москву, „не за славой мірской и почестями, не-

[1]) О царѣ Симеонѣ см. истор. очеркъ Н. В. Лилеева—„Семенъ Бекбулатовичъ ханъ Касимовскій, великій князь всея Руси, впослѣдствіи великій князь тверской“. Тверь, 1891.

[2]) Д. Бутурлинъ. Исторія Смутнаго времени въ Россіи въ началѣ XVII вѣка СПБ. 1839 ч. 1-я стр. 23

имѣвшими въ глазахъ его никакой цѣны, но для обличенія Самозванца и его замысловъ". За эти то, производившія сильное вліяніе на массу, обличенія Димитрія за принятіе латинскихъ обрядовъ и увѣщанія народа твердо стоять за православіе слѣпой старецъ былъ сосланъ въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь. „114 году мѣсяца апрѣля 3-го дня на пятой недѣли великаго поста привезли въ монастырь царя Симеона Бекбулатовича, въ тотъ же день и постригли и дано ему имя во иноцѣхъ Стефанъ"—говоритъ современная запись на одной изъ рукописныхъ книгъ этого монастыря.

Въ царствованіе Василія Шуйскаго, Симеонъ Бекбулатовичъ, въ иночествѣ Стефанъ, оказавшійся замѣшаннымъ въ интригахъ своихъ близкихъ родственниковъ бояръ Милославскихъ противъ царя, былъ сосланъ въ Соловки. За богатые вклады въ монастырь этого знаменитаго старца, было записано въ синодикъ для вѣчнаго поминовенія все его семейство: супруга царица, въ иночествѣ Александра, дѣти—царевичи: Федоръ, Дмитрій и Іоаннъ, царевны: Евдокія, Марія, Анастасія и другіе родственники. Старецъ стремился освободиться изъ Соловецкаго монастыря и какъ только правленіе государствомъ перешло въ руки бояръ, онъ немедленно отправилъ къ нимъ челобитную объ облегченіи своей участи и переводѣ въ Кирилловомъ монастырь. Подлинный указъ, послѣдовавшій по этому поводу, содержалъ въ себѣ слѣдующее:

„Въ Кирилловъ монастырь игумену Матфею съ братіею, Бояра и Воеводы и Дмитрій Пожарскій съ товарищи челомъ бьютъ. Билъ намъ челомъ старецъ Стефанъ Бекбулатовъ, а сказалъ: велѣлъ де его постричь въ Соловецкомъ монастырѣ[1]) воръ, что былъ на Москвѣ Ростригa Гришка Отрепьевъ; и нынѣ де ему въ Соловецкомъ монастырѣ нужа великая: и намъ бы ему велѣти быти въ Кирилловъ монастырь: и по совѣту всей земли велѣли естьмя старцу Стефану Бекбулатову быти въ Кирилловъ монастырь, и на Соловки о томъ отписано; а велѣно старца Стефана съ Соловокъ отпустити и проводити до Кириллова монастыря Соловецкимъ служкамъ. И какъ къ вамъ въ Кириловъ монастырь старецъ Стефанъ Бекбулатовъ, и съ нимъ Соловецкіе служки пріѣдутъ; и выбъ старца Стефана у тѣхъ Соловецкихъ взяли, и устроили его въ Кирилловѣ монастырѣ.... и покоили его по монастырскому чину, какъ и прочую братію; а какъ его въ Кирилловъ монастырь возмете, и выбъ о томъ намъ отписали, а отписку велѣли отдати въ Монастырскомъ Приказѣ Тимофею Ондреевичу Витофтову, да дьяку Микитѣ Дмитрееву, чтобъ намъ

[1]) Здѣсь не точность: Симеонъ Бекбулатовичъ былъ постриженъ не въ Соловецкомъ, а въ Кирилово-Бѣлозерскомъ монастырѣ.

про то было вѣдомо. Писанъ въ Ярославлѣ, лѣта 7120 (1612), Іюля въ 25 день. На оборотѣ написано: Діакъ Микита Дмитреевъ".[1])

Памятью о пребываніи Симеона Бекбулатова въ Соловецкомъ монастырѣ является теперь лишь его серебряная кружка, хранящаяся въ монастырской ризницѣ.

Въ томъ же 1612 году, по указу Бояръ и Воеводъ земли Русской и князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, присланъ былъ въ Соловецкій монастырь для строжайшаго тюремнаго заключенія нѣкій Петръ Отяевъ. Авторъ „Описанія Соловецкаго монастыря" архим. Досифей говоритъ, что „по важнымъ винамъ сего преступника, какъ-то: въ участвованіи разоренія Московскаго Государства, въ пролитіи многихъ Христіанъ крови, и въ оскверненіи многихъ монастырей и церквей, видно, что онъ во время бѣдственнаго междоцарствія былъ главою какой либо мятежнической шайки, разбойнически нападавшей на мирныя жилища"[2]).

Въ своемъ вступленіи къ отдѣлу о ссыльныхъ мы уже отмѣтили, что къ числу ихъ можно отнести и одного изъ главныхъ дѣятелей Смутнаго времени—келаря Троице-Сергіева монастыря Авраамія Палицына, здѣсь же и прожившаго остатокъ дней своихъ, послѣ прекращенія на Руси великой разрухи Смутнаго времени.

Авраамій Палицынъ[3]), въ мірѣ Аверкій Ивановичъ, происходилъ изъ древней дворянской фамиліи, вышедшей въ 1373 году изъ Литвы, и былъ уроженцемъ с. Протасьева нынѣшней Ярославской губерніи, близь Ростова. Въ 1588 году, при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, онъ подвергся опалѣ, сопровождавшейся, по обычаю того времени, ссылкой самого опальнаго и конфискаціей его имущества въ казну. Причины опалы, которой подвергся Аверкій Ивановичъ, точно неизвѣстны, но вообще думаютъ, что она стоитъ въ связи съ опалой, наложенной въ концѣ 1587 года на Шуйскихъ и всѣхъ ихъ друзей и сторонниковъ, вслѣдствіе замысловъ ихъ противъ всевластнаго регента Бориса Годунова.

Мѣстомъ ссылки Палицына былъ Соловецкій монастырь, гдѣ Аверкій Ивановичъ и принялъ затѣмъ монашество. Его постриженіе было добровольное и объясняется или отсутствіемъ средствъ жить въ мірѣ, такъ какъ „животы его всѣ были поиманы на Государя", или же сердечнымъ расположеніемъ къ иночеству и существовавшей въ роду Палицыныхъ семейной традиціей принимать монашество.

Какихъ либо свѣдѣній о первыхъ годахъ пребыванія его

---

[1]) Досифей. Описаніе Соловецкаго монастыря. Стран. 113—114.

[2]) Досифей, ч. 1-я, стр. 115—116.

[3]) См. изслѣдованіе С. Кедрова „Авраамій Палицынъ" изд. О. И. и Д. Р. М. 1880.

въ Соловкахъ до насъ не сохранилось и вообще объ этомъ періодѣ его жизни ничего неизвѣстно. Впрочемъ мы, вѣроятно, не ошибемся, если предположимъ, что, кромѣ подвиговъ, налагаемыхъ обѣтами монашества, Авраамій занимался здѣсь еще и самообразованіемъ, усердно читая книги монастырской библіотеки. Извѣстно, что въ годы своей молодости онъ не получилъ какого либо образованія, а между тѣмъ его сочиненіе обличаетъ въ авторѣ человѣка, хорошо знакомаго съ книгами Священнаго Писанія, святоотеческими твореніями и церковными канонами, человѣка нечуждаго свѣдѣній не только по церковной, но и гражданской всеобщей исторіи, по географіи и даже... исторіи философіи. Внѣшняя сторона его „Сказанія объ осадѣ Троицко-Сергіева монастыря отъ поляковъ и Литвы и о бывшихъ потомъ мятежахъ“ также показываетъ въ немъ человѣка, стоявшаго въ уровнѣ тогдашней образованности. Приходится, слѣдовательно, допустить, что, не получивши, какъ мы уже указали, образованія въ молодости, Авраамій и использовалъ свое пребываніе въ Соловкахъ для наученія книжнаго, тѣмъ болѣе, что здѣсь въ монастырѣ былъ богатый подборъ книгъ, какъ богословскихъ, такъ и историческихъ.

Изъ дальнѣйшей же жизни Палицына видно, что и самъ онъ имѣлъ книги и слѣдилъ за ихъ перепиской.

Въ 1594 году Авраамій и нѣсколько другихъ Соловецкихъ старцевъ были вызваны въ Троице-Сергіевъ монастырь. Для опальнаго инока такой переводъ изъ Соловокъ къ Троицѣ былъ вообще значительнымъ улучшеніемъ, тѣмъ болѣе, что цѣлью его было желаніе повысить нравственный уровень братіи Сергіева монастыря, въ которомъ еще во времена Іоанна Васильевича Грознаго, по его признанію „благочестіе изсякло“; Соловецкій же монастырь былъ въ то время полной противоположностью въ этомъ отношеніи и братія его отличалась строгимъ соблюденіемъ „заповѣдей великихъ Чудотворцевъ Зосимы и Саватѣя“.

Переводъ Авраамія Палицына въ Троице-Сергіевъ монастырь, съ одной стороны, указываетъ на перемѣну въ отношеніи къ нему Бориса Годунова, котораго, быть можетъ, даже тронуло добровольное постриженіе заточеннаго имъ человѣка въ монашество, съ другой стороны, свидѣтельствуетъ о томъ, что и въ Соловецкомъ монастырѣ Авраамій былъ незауряднымъ монахомъ: онъ занималъ здѣсь выдающееся положеніе и, очевидно, принималъ дѣятельное участіе въ теченіи дѣлъ монастырской жизни. Невольное пребываніе въ Соловкахъ послужило для него какъ бы школою, въ которой онъ подготовился для своихъ будущихъ подвиговъ на пользу отечества.

Въ 1601 году мы видимъ Авраамія въ подчиненномъ Троицкой обители Богородицкомъ Свіяжскомъ (Казанской губерніи) монастырѣ, гдѣ онъ, очевидно, исправлялъ какую то монастырскую должность, а затѣмъ въ 1608 году Авраамій былъ назначенъ келаремъ Троице-Сергіева монастыря, причемъ можно думать, что это назначеніе Палицына на такую важную и отвѣтственную должность не обошлось безъ участія царя Василія Ивановича Шуйскаго, которому онъ былъ, конечно, давно извѣстенъ, какъ опальный Годунова.

Со времени назначенія келаремъ, или точнѣе со времени осады Троицкаго монастыря и начинается дѣятельность Палицына на пользу всего государства, которая общеизвѣстна.

Начавши въ Соловкахъ свою иноческую жизнь, Авраамій здѣсь же и покончилъ дни свои.

Въ 1620 году онъ добровольно удалился въ Соловецкій монастырь и прожилъ здѣсь „по трудѣхъ на покоѣ" семь лѣтъ до дня своей смерти—13 сентября 1627 года.

Общее уваженіе къ заслугамъ старца побудило Соловецкаго игумена Макарія донести государю о его кончинѣ, а затѣмъ было установлено ежегодное поминовеніе его въ день кончины 13 сентября, при чемъ въ этотъ день столъ на братію полагался съ бѣлымъ хлѣбомъ. [1]).

Съ теченіемъ времени, могила Авраамія затерялась, такъ что въ 1836 году настоятель Соловецкаго монастыря архимандритъ Досифей писалъ, что „о мѣстѣ погребенія Авраамія Палицына съ точностью указать не можно". Тотъ же архимандритъ Досифей, отыскивая матеріалы для исторіи Соловецкаго монастыря, нашелъ, что въ описи царскихъ грамотъ, составленной въ 1733 году, подъ 1627 годомъ записанъ такой документъ: „Грамота царя Михаила Феодоровича ко игумену Макарію о погребеніи присланнаго старца Авраамія Палицына на его обѣщаніи въ монастырѣ съ прочею братіею 7135(1627) года". Но самой грамоты не отыскано.

Въ 1872 году могила Авраамія Палицына найдена внури монастыря, близъ южной стѣны Преображенскаго собора. На могилѣ была каменная бѣлая плита, покрытая слоемъ земли, поросшей травою. Только одинъ уголъ плиты выдавался изъ земли. Вся плита распалась на шесть частей, но изъ надписи можно было прочитать: „лѣта ЗРЛЕ Се: М. 13. Преставися рабъ Божій Кел. Палиц. Аврааміе". Для охраненія отъ дальнѣйшаго разрушенія тогда же плита была покрыта желѣзнымъ чехломъ.

Въ настоящее время на могилѣ Авраамія Палицына средствами братіи Соловецкаго монастыря сооруженъ памятникъ, въ видѣ гробницы изъ мѣстнаго сѣраго гранита. Надъ

[1]) **Досифей. Описаніе Соловецкаго монастыря. Стран. 127.**

памятникомъ возвышается шатрообразная сѣнь на четырехъ чугунныхъ колонкахъ, а вокругъ устроена красивая желѣзная рѣшетка.

На гробницѣ сдѣланы четыре надписи: на верху: „На семъ мѣстѣ погребенъ великій старецъ Авраамій Полицынъ, знаменитый келарь Троицко-Сергіевской лавры, бывшій постриженикъ Соловецкій, проведшій послѣднія семь лѣтъ жизни на покоѣ въ сей обители и скончавшійся блаженно 1626 (1627) г. сентября 13 дня. Миръ праху твоему, доблестный защитникъ славной обители Сергіевой и съ нею всей земли русской!“; въ возглавіи: „Вѣчная память тебѣ, достославный инокъ и ратоборецъ за родную землю—Русь православную!“; на боковой сторонѣ, обращенной на монастырскую площадь: „Въ смутное время междуцарствія, когда Россіи угрожало иноземное владычество, ты мужественно ополчился за свободу отечества и явилъ безпримѣрный подвигъ въ жизни русскаго монашества. Какъ смиренный инокъ, ты безмолвною стезею достигъ предѣла жизни и сошелъ въ землю неувѣнчанный побѣдными лаврами. Вѣнецъ тебѣ на небесахъ, незабвенная память твоя въ сердцахъ благодарныхъ сыновъ отечества, тобою освобожденнаго съ Мининымъ и Пожарскимъ“ и въ подножіи: „Достопамятному иноку Аврамію Палицыну отъ архимандрита Іоанникія съ братіею“ [1]).

Въ старинныхъ вкладныхъ книгахъ Соловецкаго монастыря, въ которыхъ записывались вклады благотворителей обители, между прочимъ записано: „старецъ Авраамій Палицынъ далъ вкладу денегъ 50 рублевъ; да онъ же далъ другую 50 руб., да послѣ его живота взято въ казну 63 руб., да два мѣха куньи, цѣна 6 рублевъ; да онъ же за келью далъ 15 рублевъ; и всего его вкладу 184 рубля“.

Кромѣ того въ монастырской библіотекѣ хранится собственная Псалтырь Авраамія Палицына, писанная уставомъ съ заглавными раззолоченными рисунками и надписью на чистомъ листѣ: „Псалтырь старца Аврамія Палицына, поживщаго здѣ на Соловкахъ, на своемъ обѣщаніи, идѣже постриженъ, по трудѣхъ на покоѣ лѣтъ седмь. Преставися о Господѣ лѣта ЗРЛЕ; по смерти отказалъ въ казну на поминъ свой во вѣки“. Здѣсь же хранится скорописная полудестевая книга житія преподобнаго игумена Сергія Радонежскаго, сочиненнаго ученикомъ его, мудрѣйшимъ Епифаніемъ. Внизу начальныхъ листовъ подписано: „Житіе Преподобнаго Сергія Чудотворца Авраамьевское Палицына“, а на концѣ на нѣсколькихъ листахъ написанъ хронологическій списокъ игуменовъ и архимандритовъ Сергіевы Лавры, отъ ос-

[1]) Н. Ѳ. Корольковъ. Старецъ Авраамій Палицынъ и его дѣятельность въ Смутное время на Руси. СПБ., 1902 стр. 48—50.

нователя ея, Сергія, до архимандрита Діонисія, и потомъ десять именъ келарей Троицкихъ, которые окончены именемъ Авраамія Палицына. Въ этой же книгѣ, на оборотѣ послѣдняго листа, подписано: „Аврамій Палицынъ представися ЗРЛЕ, Сентября 13 дня, въ Соловкахъ“.[1])

Въ видѣ заключенія къ своему очерку, мы сдѣлаемъ теперь краткій обзоръ тогдашняго законодательства о Сѣверѣ или точнѣе сказать, приведемъ перечень тѣхъ правительственныхъ актовъ, которые были изданы въ Смутное время и имѣютъ отношеніе къ нашему краю.

При царѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ, за семь лѣтъ его правленія--

во 1-хъ позволено было (въ 1600 г.) Пинежанамъ и Мезенцамъ, по ихъ челобитью, ѣздить въ Сибирь для торговли съ тамошними инородцами мягкой рухлядью и незаповѣдными товарами, платя въ царскую казну десятую пошлину[2]);

во 2-хъ, Двина, Вага, Холмогоры и Турчасово были освобождены отъ сборовъ въ пользу новгородскаго митрополита[3]);

въ 3-хъ, Соловецкому монастырю было предоставлено право собирать пошлину съ торгующихъ въ монастырскихъ волостяхъ[4]) и

въ 4-хъ, подтверждена была жалованная грамота, данная царемъ Іоанномъ Грознымъ Михаило-Архангельскому монастырю[5]).

Царемъ Димитріемъ Іоанновичемъ, Самозванцемъ—

1, позволено было (въ 1605 г.) Николаевскому Корельскому монастырю продавать безпошлинно 4.000 пудовъ соли[6]),

2, были даны грамоты:

подтвердительная судная Богословскому Пустынскому монастырю на его вотчины (1605 г.);

жалованная подтвердительная Сійскому монастырю на всѣ его вотчины (въ 1607 г.)[7]) и

жалованная-же грамота Михайло-Архангельскому монастырю (въ 1606 г.)[8]).

Въ царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго.

1, отведена была (въ 1606 г.) земля для устройства Красногорской обители[8])

---

[1]) Досифей. Описаніе Соловецкаго монастыря, стран. 126—128.
[2]) Акты Историческіе т. II № 30.
[3]) Акты Истор. т. III № 74.
[4]) Досифей. Описаніе Соловецкаго монастыря М. 1853 стр. 94.
[5]) Краткое описаніе монастырей Архангельской епархіи. Арх. 1902, стр. 240.
[6]) Акты Истор. т. II № 59.
[7]) Макарій. Описаніе Сійскаго монастыря, стр. 33—41.
[8]) Краткое опис. монастырей, стр. 240; 327.

2, пожалованы тарханныя грамоты монастырямъ: Николаевскому—Корельскому (1607 г.)[1]), Трифоно-Печенгскому (1607 г.)[2]) и Михайло-Архангельскому (1608)[3]),

3, назначена (1607 г.) Трифоно-Печенгскому монастырю „милостыня съ году на годъ по 50 рублей. А имати тѣ деньги на Двинѣ изъ таможеннаго сбору ежегодъ на срокъ на Рождество Пречистыя Богородицы", а также прибавлена къ владѣніямъ обители рѣчка „Улита"[4]) и

4) Пинежане были (1607 г.) освобождены отъ нѣкоторыхъ повинностей и денежныхъ сборовъ[5]).

Въ періодъ междуцарствія, когда на Руси было два правительства: одно—Польскаго королевича, другое—князя Пожарскаго съ товарищами, изъ правительственныхъ актовъ, имѣвшихъ отношеніе къ нашему краю, намъ извѣстны два акта:

1, Грамота Владислава Жигимонтовича въ Сійскій монастырь объ освобожденіи отъ платежа пошлинъ съ двухъ дощаниковъ монастырской соли (въ 1611 г.)[6]) и

2, Грамота князя Пожарскаго съ товарищами, подтверждающая всѣ жалованныя грамоты, данныя Соловецкому монастырю прежними государями[7]).

Изъ перечисленныхъ нами актовъ наибольшій интересъ представляетъ грамота царя Бориса Ѳедоровича Годунова Пинежскимъ и Мезенскимъ промышленнымъ людямъ, которую мы здѣсь приводимъ полностью:

Божіею милостію Великій Государь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи Самодержецъ и нашъ сынъ Царевичъ Князь Ѳедоръ Борисовичъ всеа Русіи пожаловали есмя Двинского уѣзда Пѣнежанъ и Мезенцовъ Угримка Иванова да Ѳедулка Наумова и всѣхъ промышленныхъ людей Пѣнежанъ и Мезенцовъ, Били намъ они челомъ, чтобъ намъ ихъ пожаловати, велѣти имъ ѣздити, промышляти и торговати, въ Мунгазею, моремъ и Обью рѣкою, на Тазъ и на Пуръ и на Енисею и съ самоѣдми, которые живутъ на тѣхъ рѣкахъ, торговати поволно. И мы Великій Государь Царь и Великій князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи Самодержецъ, и нашъ сынъ Царевичъ Князь Ѳедоръ Борисовичъ всеа Русіи Пѣнежанъ и Мезенцовъ Угримка Иванова да Ѳедулка Наумова и всѣхъ промышленныхъ людей Пѣнежанъ и Мезенцовъ пожаловали: промышляти и торговати въ Мунгазею, моремъ и Обью рѣкою на Тазъ и на Пуръ и на Енисей имъ

[1]) Акты Иттор. т. II № 17.
[2]) Акты Истор. т. II № 86.
[3]) Краткое опис. мон. стр. 456—457.
[4]) Крат. оп. мон., стр. 456—457.
[5]) Дополненіе къ Актамъ Историческимъ т. № 154.
[6]) Макарій Описаніе Сійскаго монастыря стр. 43—44.
[7]) Акты Археографич. Экспедиціи т. II № 205.

ходити и съ самоѣдами, которые живутъ на тѣхъ рѣкахъ, на Тазу и на Пурѣ и на Ениссѣ, имъ торговати велѣли поволно; а нашу десятую пошлину, отъ девяти десятое, изъ соболей лутчей соболь, а изъ куницъ лутчая куница, а изъ лисицъ лутчая лисица, а изъ бобровъ лутчей боберъ, а изъ песцовъ лутчей песецъ и изо всякіе мягкіе рухляди и изо всякого товару десятое тѣмъ торговымъ людямъ Пѣнежанамъ и Мезенцамъ Угримку Иванову да Ѳедулку Наумову съ товарыщи, велѣли есмя давати на Мезени, въ Окладниковѣ слободкѣ приказнымъ людемъ и старостамъ и цѣловальникомъ, а опричь Окладниковы слободки, что на Мезени, нигдѣ десятаго давати есмя имъ не велѣли, а у кого какія рухляди будетъ болши десяти или менши, и съ того имъ десятую пошлину давати по росчету, въ правду по нашему крестному цѣлованью, лутчее; и лѣшимъ промысломъ велѣли есмя имъ промышляти, а возити имъ съ собою тамъ нашихъ государствъ Русскіе товары незаповѣдные да съѣстные всякіе запасы; а про свою нужу имати имъ съ собою по топору человѣку или по два, да ножей по два или по три ножи человѣку, до по саадаку, да по рогатинѣ человѣку для того, что они тамъ для своихъ промысловъ живутъ года по два и по три и имъ безъ того быти нелзѣ, а болши того имъ съ тобою оружья и топоровъ и ножей не брати и того имъ ничего не продавати; а заповѣдныхъ имъ товаровъ, пищалей и зелья пищальнаго и саадаковъ и сабель и луковъ и стрѣлъ и желѣзецъ стрѣлныхъ и доспѣховъ и копей и рогатинъ и иного никакого оружья на продажу и топоровъ и ножей и всякихъ заповѣдныхъ товаровъ не возити, и лутчихъ имъ соболей и куницъ и песцовъ и лисицъ и всякіе мягкіе рухляди и товаровъ для нашіе десятины не таити, а Пустозерцомъ съ нихъ десятины не имати и ни въ чемъ обидъ и насилства никоторого имъ не чинити; а учнутъ Угримко и Ѳедулко съ товарыщи которую мягкую рухлядь и товары лутчее для нашіе десятины таити, и имъ отъ насъ быти въ опалѣ. Дана ся наша царская грамота въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта 7108 Генваря мѣсяца [1]).

---

[1]) Акты Историческіе т. II, № 30.

Грамоты шведскихъ воеводъ къ игумену Соловецкаго монастыря.

I.

Божіею милостію Пресвѣтлѣйшаго, Велеможнаго и Высокорожденнаго Князя и Государя Карлуса девятаго, Свѣйскаго, Ходскаго, Вендейскаго, Финскаго, Карельскаго, Лопскаго въ сѣверной землѣ, Каянскаго и Чухонскаго въ Ливонской землѣ Короля, Его Королевскаго Величества отъ Улоборнскаго, Каянскаго и Юстербонскаго Державца—язъ Исаакъ Бемъ объявлю великому Сумесскому воеводѣ,[1]) что язъ провѣдалъ, что въ Русейской землѣ нынѣ бытто есть двѣ Царей и Великихъ Князей, а иные держатца изъ вашихъ съ Васильемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, которово Патріархъ, Митрополитъ, Архіепископы, Игумены изъ всего собору, Бояре, Воеводы, Дьяки, Дворяне, дѣти Боярскіе, Гости и торговые люди изъ всего Русейскаго землѣ выбрали въ Цари и въ Великія Князи Василья Ивановича Шуйскаго приняли; а иные есть позабыли вѣру и правду и крестное цѣлованье и измѣнили старому Государю, и взяли иново одново, которово зовутъ Дмитріемъ, ково Поляки и Литвяне привезли въ Русейскую землю, а нихто не вѣдаетъ—чей онъ за человѣкъ. Для того довѣдаюсе у тобя: съ кимъ ты держиться,—съ Васильемъ ли Ивановичемъ Шуйскимъ, или съ Дмитреемъ, котораго Поляки и Литвяне посадили надъ вами Царемъ и Великимъ Княземъ? А Митрополитъ, Архіепископы, Игумены изъ всего собору, Бояре и Воеводы, Дьяки, Дворяне, дѣти Боярскіе, Гости и торговые люди всей Русейской землѣ, которые держатца съ Васильемъ Ивановичемъ съ Шуйскимъ, писали къ нашему Велеможному Королю и послали пословъ своихъ къ его Велеможеству, и просили подмоги у нашего Велеможнаго Короля, противъ ихъ недруговъ; а нашъ Велеможный Король хочетъ притти Русейскому Государству на помощь противъ ихъ недруговъ. А нынѣ Велеможный Король послалъ съ своею великою ратною силою, своего ратнаго воеводу графа Іоахима Фредрика Мансфельтскаго, также своихъ Князей и воеводъ Іакова Пунтусова, Аксилъ Курка, Тюно Іюренова и Андресъ Бойе; тіе будутъ Руссейскому Государству на помочь съ чужими и съ своими ратными людьми. Для того конешно хочу у тобя вѣдати, съ кѣмъ ты дер-

---

[1]) Сумесскимъ с. е. Сумскаго посада воеводою титулованъ здѣсь Соловецкій игуменъ Антоній.

жишься и радіешъ ли ты нашего Велеможнаго Королевскіе подмоги; а у меня еси нашего Королевскаго Величества повелѣніе и подлинной указъ, что язъ съ нашимъ Велеможнымъ Королевскимъ съ ратною силою притти къ тобѣ на помощь, и объявляй мни: что хто твой Царь и Великій Князь есть, и объявляй мни, будетъ хочешь нашего Велеможнаго Короля подмоги? Писана въ нашомъ Велеможнаго Короля, и въ его Королевской Величества вотчинномъ въ городѣ Каянборгѣ, лѣто отъ Рождества Христова 1609. [1])

II.

Божіею милостію Великаго Государя и Великаго Князя Короля Карла девятаго, Свійскаго, Готскаго, Вендесского, Финскаго, Карельскаго, Лопскаго, Норланскаго Каянскаго, и Теливанскихъ въ Ливонской землѣ Короля, Его Королевскаго Величества Воевода и Намѣстникъ Каянборгскаго, я Исакъ Бемъ вѣдомо ти даю, большой чернецъ, фсоловки монастырѣ, сто я слыхалъ, сто на Руси нынѣ два Великіе Князи; а иныхъ Русаки позабыли Богъ, и того боженія, какъ они божили, и отступили отъ ихъ прямой Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ Шушки, и давали себѣ подъ одному именемъ Дмитрей, которой тѣ Литовскіе люди привели на Русь за Царя; а скажетъ себѣ быти Иванъ Васильевицовъ сынъ, который ужо давно умеръ, а хочетъ подвигнутъ тово старово Греческаго вѣра; иные ешша держутъ себѣ прямо, а держутъ себѣ подъ свой прямой великъ Князь Василей Ивановичъ Шушки. Токо я боюсе: вы такъ долго мѣнѣете Великъ Кнѣзь, сто тѣ Литовскихъ вамъ всѣхъ голово росбьютъ; то тѣ Литовски думаютъ: они хотятъ выгонитъ тово Грессково вѣра, да убити вси Русаки, и подкладитъ себѣ весь Русской землѣ. Токо мой великой милостивой Король всѣмъ Русакомъ добро хочетъ, и радъ хочетъ пособить тово Руссково Царства передъ тѣмъ Литовскимъ невѣрнымъ, стобъ они держали свои стараго Грečессаго вѣра, какъ и сперва; а не давать тѣмъ Литовскимъ воли, ни тово православново Руссково землѣ къ своимъ полоненникомъ. А за то мой великой, сильной, милостивой Король для Вашой Царь и Великъ Князь Василей Ивановичъ Шушки, и все Русаковъ на Русь, Митрополитъ, Архіепископъ и Бояровъ, и Воеводы, Дворяновъ, и дѣти Боярскихъ, и торговы люди моленья,—за то мой милостивой Король велѣлъ свои великіе Воеводы, сто имъ, и съ моимъ великого Королевскимъ воинъ людьми, и сила притти тово Руссково землѣ къ помочь противъ тѣ Поляки и Литовски люди; да уже да-

[1]) Отвѣчалъ ли на это письмо игуменъ Антоній, между документами свѣдѣній не отыскано.

вно ѣхали къ Выборѣ то старой Воевода Юрьенъ Бой и то великой де Воевода Яковъ Пунтусовъ де ла Гарди Геръ Понтусовъ сынъ, да и Тунне Юрьевъ сынъ Воеводы и Аксель Куркъ Воевода, имъ быти и съ тимъ людьми, какъ у нихъ есть, Русакомъ пособляти противъ ихъ недруги; для ихъ великаго прошенія Графъ фонъ Мансфельтъ, которой большой въ Ливонской землѣ,—ему таково же быти и съ своимъ силамъ, тово Руссково Великъ Князь Василій Ивановичъ Шушли пособити, и надѣюся на Господа, сто они выгонѣютъ тово стратника... Дмитрея, и всѣхъ тѣхъ, кто противъ того Грескаго вѣра, и противъ Русской землѣ воюютъ. Мой великой милостивой Король менѣ таковой же приказъ давалъ, сто менѣ здѣсе таково же дѣлать и съ моими Королевскими воинскими людьми; да убити тѣ измѣнники, которы отступили отъ своей прямой Царь и Великъ Князь Василій Ивановичъ Шушки; а тѣ, которы хотятъ и съ своимъ прямой Царь и Великъ Князь Василій Ивановичъ Шушки, да стоитъ противъ Дмитрей и всѣхъ его люди, тѣмъ менѣ велѣно пособить противъ вси ихъ недруги, а имъ худо недоспѣютъ. Я хочу съ ними стоять противъ ихъ недруги, а тово для, сто ты человѣкъ Боговъ, и тыбъ говорилъ съ твоими людьми, стобъ они держали себѣ подъ своимъ премой Великъ Князь Василій Ивановичь Шушки, а не даютъ себѣ дѣлать такъ дурны, сто они хотятъ, тово къ царю, которой давно умеръ, а дадутъ тѣмъ Литовскимъ сидитъ на ихъ голову Цары и Кнѣзы, которы имъ любитъ. Русской землѣ бывалъ и старовольны люди, а свои вѣра, свои Кнѣзы и Цары; и тѣ Литовски боялисе передъ тѣ Русскихъ людей,—за то соромъ великой, сто вы такъ дадите вамъ вредить, сто вы такъ возмите всякъ стратникъ къ Государю, такъ какъ тѣ Литовски хотятъ, а такъ неимѣете вѣра, сто тотъ живъ есть, да буите Иванъ Васильевцовъ сынъ, которой ужо давно умеръ, какъ вси на семъ свѣтѣ вѣдаютъ, сто онъ умеръ. А тотъ Дмитрей, которой нынѣ нозовица Дмитрей, тотъ есть стратникъ, лгунъ, и вси тѣ какъ съ ними держутъ, такъ посмотрите вамъ добрѣ тѣ Литовски хочетъ выгонить тово Гресского вѣра, и тѣ хвальный Русскихъ людей, а дѣлаютъ себѣ къ Государямъ на Русь. А какъ они перемогутъ и съ своимъ Дмитремъ: ино онъ убьютъ Патріарха, Митрополитъ, Архіепископъ, чернцы, Игумены, Кнѣзы, Бояры и дѣти боярскихъ; таковожъ тотъ прежного Дмитрей, которой умеръ, хотѣлъ съ вами играть, какъ бы долго живъ; и онъ таковоже назывался Иванъ Васильевцовъ сынъ, а не былъ, токо былъ стратникъ, лгунъ, какъ и этотъ нынѣшной, которой себѣ Дмитрей назовитъ; а онъ отъ Папы Римской, да отъ Римскаво Цисарь выпосланъ такъ воровать на Руси, а хотятъ такъ выгонить то стараго Гре-

ского вѣра, а дислати тѣ хвальны русскихъ людей себѣ въ полоненниковъ за того вора... со всѣми людьми и со всемъ Русакомъ, стобъ они себѣ смотрѣли разумной передъ тѣ Литовскихъ воровства, а держалибъ себѣ къ своимъ прямой Царь и Великъ Князь Василій Ивановичъ Шушки, да пособи выгонить тѣ Литовскихъ какъ нынѣ на Руси, да хотятъ вамъ да все Русского земле погубить. Пиши ко мнѣ отвѣтъ назадъ, съ кимъ ты держишь, а кабы тебѣ надобетъ мой милостивой Королевскаго пособленія. Писано лѣта первой тысячи, шесть сто Ѳ: Февраля мѣсяца 23 дня. Въ надписи на грамотѣ помѣта: „датися грамата большому чернецу фсоловки монастырѣ“.

III.

Божіею милостію Великоможнаго Государя Карла девятаго Короля Царства Свицкаго, Хоцкаго, Вендскаго, Финскаго, Карелевскаго, Лопскаго и Сѣверной страны повелителя и Государя Каянерскаго и Естскаго въ Ливонской землѣ Государя, Государя Короля, Его Великоможества вѣрной слуга и ратной Воевода, язъ Андрей Стивартъ Ладикъ Луденскій съ моимъ товарищемъ и другомъ Ерикомъ Харемъ, Воевода во Улѣ и Каяненборхѣ и со всѣми воинскими головами, даю вѣдати тебѣ игумену Антонію, со всею з братіею, што нашъ Милостивой Государь Король меня послалъ съ его велеможнымъ и храбрымъ войскомъ въ вашу землю, противъ вашихъ недруговъ, Поляковъ и Литвяковъ, на помочь и повелѣлъ мнѣ этою дорогою сквозь вашу землю проѣхать къ нашему большому ратному Воеводѣ Якову Понтусу, для того, чтобы Поляки не довѣдались про мою силу. И какъ язъ доѣхалъ до рубежа, мѣсяца Апрѣля, не какъ ворогъ, и ваши крестьяне довѣдались, што мы ѣдемъ, такъ они всѣ отъ своихъ дворовъ побѣжали; и я великою нужею для хлѣба, до деревни Чюпы пріѣхалъ. Язъ начаялся скоро къ нашу Воеводѣ Якову Понтусу ѣхать; а какъ язъ увидѣлъ, что намъ не мошно туды проѣхать для голоду: коли всѣ ваши мужики прочь побѣжали, и намъ за деньги не мошно ничево добыть, такъ язъ назадъ съ моимъ войскомъ воротился въ нашу землю, и теперьво стою язъ съ моимъ войскомъ недалеко отъ рубежа, и дожидаемся отвѣту по нашей грамотѣ отъ нашего милостиваго Короля, куда намъ ѣхать... Не умѣю язъ тебѣ утаить, игуменъ Антоній, что язъ нынѣча довѣдался, что ваши люди и мужики пришли въ нашу землю, нашихъ хрестьянъ забили, и много деревень зажгли, и животины много отняли; што коли наши недруги и я хочу отъ тебя вѣдать: ты ли имъ повелѣлъ, или онѣ сами отъ себя то доспѣли? Ты самъ вѣдаешь, што нашъ милостивой Король, да

вашь Царь миръ доспѣли въ Выборѣ; и коли ты миръ хочешь держать, и ты смири тѣхъ мужиковъ, и не вели имъ въ нашу землю ѣхать; а будетъ ты то не хочешь сдѣлать, и твои люди въ нашу землю придутъ и язъ готовъ нашего милостиваго Короля землю заступать, и въ вашу землю ѣхать таковожъ дѣлать, какъ и вы дѣлали; а какъ то доспѣется, и вы сами виноваты, что вы тотъ миръ испортили, и войну на вашу землю доспѣли. Для тово ты, игуменъ, дѣлай такъ, чтобы миръ былъ промежъ обѣихъ царствъ. А тебѣ теперьво мало пишу, а много челомъ бью. Грамота писана во Улѣ, мѣсяца Іюля седмого числа. На грамотѣ надпись: „Великому Святому Соловецкому Игумену Антонію съ съ братіею датись той грамотѣ".

IV.

Вожіею милостію отъ Велеможнаго и Высокорожденнаго Государя Князя и Великаго Короля Каролуса девятаго, Свѣйскаго, Ходскаго, Вендейскаго, Финскаго, Карельскаго, Лопскаго въ сѣверной странѣ, Каянскаго и Чухонскихъ въ Левлянтахъ и иныхъ многихъ Государствъ Государя Короля и Его Королевскаго Величества вѣрной слуга и Воевода въ Улеаборгѣ, да и въ Каянборгѣ, язъ Ерикъ Харе Кмалма, даю тобе Игумену Антону вѣдати, что Всемилостивой Государь Король далъ отписать къ тобѣ. И язъ по Всемилостиваго Государя Короля приказу прислалъ тотъ листъ къ тобѣ; для того велю тобѣ игумену Антону, чтобы ты одноконечно открылъ бы Его Королевскаго Величества грамоту, да въ тойже грамотѣ достанешь снимокъ переведенъ по Русскому языку, почему тобѣ будетъ управиться. И ты въ тотъ часъ учини указъ на Его Королевскаго Величества грамоту, што ты, игуменъ Антонинъ, умышляешь. И пришли Его Королевскаго Величества посланниковъ въ тотъ часъ къ Его Королевскому Величеству съ отвѣтомъ назадъ, и одноконешно такъ учини, чтобы они никакъ бы не мѣшкали, только бъ отослалибъ ихъ скоро денноночно къ Его Королевскому Величеству назадъ. Такое дѣло станетъ обѣимъ великимъ Государствамъ въ любовь и добрость. Писана въ Его Королевскаго Величества въ городѣ Каянеборгѣ, лѣто отъ Рождества Христова 1611, въ 24 день Февраля. На грамотѣ надпись: „Датися грамота игумену Антону въ Сумѣ и въ Соловецкомъ монастырѣ".

V.

Король нашъ Карлусъ грозный, Соловецкаго монастыря Игумену Антонію и всей братіи, или хто вмѣсто его поставленъ, и Сумскаго острогу. Смотри отъ насъ листъ, не стой за на-

ше посуленое. Вашъ Царь Василій и Князь Михайло (Шуйскій-Скопинъ) сулили намъ за нашу выслушку три города: городъ Корельской, да Кольской, да городъ Орѣшекъ, и пересулили намъ за Орѣшокъ Сумской острогъ за нашу выслушку. А ходили и клали мы головъ много съ женами и дѣтьми; а про то у насъ вѣдаютъ Новгороцкіе гости и Московскіе, и всѣ великіе люди. А Карлусъ нашъ милостивой говорилъ: нынѣ у насъ не гладко: ино послѣ у насъ будетъ гладко. За нашу выслушку не стойте, за наше посуленое; и нашъ милостивой Король Карлусъ за свою выслушку и за свое посуленое не стоитъ, а съ вамъ раздружитца не хочетъ: хочетъ взять по старому рубежу, по Дубу и по Золотцу. А не даете намъ безъ кровопролитья по старому рубежу, по Дубу и по Золотцу: и нашъ милостивой Король придетъ съ войною и возметъ всѣ свои посуленные городы и вашъ Сумской острогъ, за свою выслушку, и за посуленные города головы своихъ хочетъ класть. Потому есть у насъ гости Новгородцкіе и Московскіе и всѣ великіе люди, что намъ сулены тѣ городы. И вы тотъ нашъ листъ хотя къ Москвѣ пошлите, хотя у себя перепишите; а таки нашъ Король будетъ съ войною, токо не даете по нашей межѣ, и по старому Дубу и по Золотцу, и всѣ свои посуленые города возметъ, хотя свои головы класти, и отъ насъ будетъ къ вамъ вѣсть къ Ивану дню. А у насъ люди стоятъ отъ Волуя за 30 верстъ, семь сотъ, да и индѣ у насъ люди есть, только думы ихъ не вѣдаемъ. Да спрашиваютъ у меня дальные Нѣмцы: есть ли де у нихъ въ Кеми острогъ? Хотя бы де у васъ былъ для прилики и славы въ Кеми острогъ.

VI.

Велеможнаго и высокорожденнаго Князя и Государя Густава Адольфа Свійскаго, Готскаго и Вандольскаго, избранной Король роженной, Великаго Князя Финлянского, Князя Естленскаго и Весмерлянскаго подданный и вѣрный слуга и назначенный державецъ надъ городомъ и уѣздомъ Каянабургскимъ, язъ Ирикъ Гаръ Измальній Воевода, вамъ учинилъ добрымъ Господамъ, Сумскаго острога державцомъ. Пріятельнобъ вамъ вѣдати, что мужики, которые живутъ на рубежу по сей сторонѣ, были у меня, чтобъ межъ тѣхъ мужиковъ миръ учинить съ вашими мужики по нашей сторонѣ, какъ то было и сдѣлано въ году 1612 о Петровѣ дни и о Павловѣ. И язъ съ своей стороны сразумѣвъ укрѣпилъ и велѣлъ имъ жить смирно, чтобъ рубежъ былъ съ покоемъ и крѣпкобъ за собою держали; и какъ отъ васъ который посланникъ будетъ велѣлъ время, то сказали своимъ людямъ на рубежѣ, велѣлъ сказати державцу Каянобургскому или иному кому мѣста то-

во, чтобъ посланника тово къ намъ пустили на свою волю. И какъ хто подумаетъ у насъ на рубежахъ насильство которое сдѣлати, и мы казнимъ; а съ вашей стороны товожъ чаемъ. И для тово, господа, язъ къ вамъ писалъ, чтобы Государи наши въ миру жили,—тѣмъ васъ, господей, Богу отдаваю. Писано въ Каянѣ городѣ въ 30 день Маія 1613 году.

Документы о денежныхъ сборахъ на ратныхъ людей.[1])

I.

„Се азъ Земской Староста Кевролькаго стану Леонтей Семеновъ сынъ Каренгинъ взялъ если у денежного Цѣловальника у Григорья у Игнатьева сына Шунгина земскихъ дѣнегъ с Кевролького стану и с Верколы и с Марьиной горы што збиралъ по рублю с сошки за посопной хлѣбъ Архангельсково города стрѣльцовъ и на земской расходъ и той староста взялъ у Цѣловальника у Григорья восмьдесятъ рублевъ и и полтретья алтынъ, в томъ отпись далъ, а на то послуси Земской Дьячекъ Кѣврольскаго стану Ушакъ Игнатьевъ сынъ Поповъ да Первой Прокопьевъ сынъ Кулишевъ, а отпись писалъ Воскресенской Дьячекъ Максимко Васильевъ сынъ Поповъ. Лѣта 7118 Генваря въ 28 день“.

II.

Се азъ Земской староста Кевролькаго стану Леонтей Семеновъ сынъ Каренгинъ взялъ есми у денежново Цѣловальмика у Григорья Игнатьева сына Шунгина земскихъ дѣнегъ Кевролькаго стану што збиралъ по пяти рублевъ с сошки нѣмецкихъ людей на наемъ ко Князю Михаилу Васильевичу Шуйскому в полки и той староста взялъ у цѣловальника у Григорья триста семдесятъ семь рублевъ и тридцать алтынъ две деньги и в томъ отпись далъ, а на то послуси Кѣврольскаго стану земской дьячекъ Ушакъ Игнатьевъ сынъ Поповъ да Еупатъ Федоровъ сынъ з Заполья. Отпись писалъ Воскресенской Дьячекъ Максимко Васильевъ сынъ Поповъ. Лѣта 7118 году Марта въ 9 день“.

III.

„Се азъ земской староста Кевролькаго стану Леонтей Семеновъ сынъ Каренгинъ взялъ есми у денежново Цѣловальника у Григорья Игнатьева сына Шунгина земскихъ дѣнегъ Кѣврольскаго стану што отзбиралъ по три рубли с сошки ратнымъ людемъ в другой отпускъ в Ростовъ в перемѣну

---

[1]) Первые три неизвѣстны въ печати и составляютъ собственность крестьянина Пинежскаго уѣзда П. М. Ряхина.

пятидесятъ пяти человѣкомъ опрочь марьегорцевъ и тѣхъ дѣнегъ староста Леонтей взялъ у Цѣловальника у Григорья сто и девяносто два рубля с полтиною и в томъ ему отпись далъ, а на то послуси Кевролъскаго стану Земской Дьячекъ Ушакъ Игнатьевъ сынъ Поповъ да Акиндинъ Семеновъ сынъ Осетровъ, отпись писалъ Воскресенской дьячекъ Максимко Васильевъ сынъ Поповъ. Лѣта 7118 году Априля во 11 день".

IV.[1])

Лѣта 7115-го, маія въ 24 день. Матигорской волости Борисоглѣбскаго приходу соцкой Пятой Давидовъ взялъ есми по волостному разрубному списку въ отдачю ратнымъ даточнымъ людемъ на государеву службу подъ Колугою, впредь на три мѣсяца, съ нашей Митигорской волости Борисоглѣбского приходу, на мѣсяцъ человѣку по три рубли съ полтиною, з Борисоглѣбскихъ з двухъ сошекъ Лодомскіе волости четыре рубля три алтына. Деньги платилъ Михей Третьяковъ сынъ Горлищевъ. Платежную отпись писалъ Борисоглѣбской церковной дьячекъ Первушка Григорьевъ сынъ Баневъ. На оборотѣ: Платилъ Михей розрубъ волостными деньгами.

Поручныя по посошнымъ людямъ.

I.[2])

Се азъ Матвій Кондратьевъ сынъ далъ есми на себя на собя запись поручную соцкому Ростовскіе волости Василью Андріеву сыну, Давиду Иванову сыну, да Науму Симанову, да Клементію Григорьеву, да Матвію Леонтьеву, да Ивану Афонасьеву, да Никитѣ Яковлеву, да и всѣмъ крестьяномъ Ростовскіе волости, опроче Хлопиныхъ да Туфановыхъ, да Быковыхъ, да Гулиныхъ, да Сумароковыхъ, да Стефана Афонасьева, да Ивана Петрова, да Федора Некрасова, да Амброса Семенова, въ томъ, что язъ Матвій выручилъ у нихъ сына своего Никиту: итти ему за моею порукою на государеву службу къ Вологдѣ, а съ Вологды гдѣ будетъ пошлютъ его государевы воеводы, стояти противъ воровъ литовскихъ людей и русскихъ богоотступниковъ, которые стоятъ на православную истинную вѣру. А найму ему Никитѣ дали мы крестьяне на три мѣсяцы 3 рубля 10 алтынъ денегъ, а на мѣсяцъ по рублю зъ гривною; а мѣсяцы ему Никитѣ съ такову пору пойдутъ, какъ станетъ на Вологдѣ. А службы ему

---

[1]) Руск. Истор. Библіотека т. XXV. Акты Лодомской церкви ст. 174.
[2]) Акты Холмогорской и Устюжской епархій. Кн. 2-я. СПБ. 1894 г., столб. 214—216.

Никитѣ не бѣжати безъ воевоцкаго указу; а будетъ збѣжитъ Никита службы безъ воевоцкого указу, и на мнѣ на поручикѣ ѣздъ и прогоны и моя порутчикова голова въ его головы мѣсто. Итти ему на службу со всякимъ ратнымъ оружіемъ. А какъ тройные мѣсяцы пройдутъ, и намъ ему послати деньги или перемѣну на срокъ, а три мѣсяцы отстоитъ, и ему на міръ настойныхъ мѣсяцовъ не настаивать. На то послуси Михайло Павловъ сынъ да Яковъ Мокіевъ сынъ Тіунцовъ, да Сидоръ Семеновъ сынъ исъ Корбалы. Поручную писалъ церковной дьячекъ Ростовскіе волости Васка Алексіевъ лѣта 7120 году февраля въ 12 день.

II.[1])

...Ему, Титу, на государевой службѣ съ лошадью, и съ телѣгою, и съ топоромъ, и съ керкою и з заступомъ, и съ лопатою, и со всею поднарядною посошною снастью. А найму онъ, Титъ, рядилъ у нихъ соцкаго и у всѣхъ крестьянъ Койдокурской волости на хлѣбъ, и на платье, и на волокиту, и на лошадь, и на телѣгу, и на всякую поднарядную посошную снасть на два мѣсяца по четыре рубля, а на четыре мѣсяца по три рубли. И всѣхъ денегъ взялъ на шесть мѣсяцъ дватцать рублевъ. Деньги взялъ всѣ напередъ безъ остатка. А впредь сверхъ тѣхъ шти мѣсяцовъ имати деньги на соцкомъ по сей записи, по три рубли на всякой мѣсяцъ, за настой... А будетъ онъ, Титъ, пошедъ на государеву службу, искупитъ лошадь съ хомутомъ и съ телѣгою, и всякою поднарядною посошною снастью, и платья, а будетъ воротиша, а тѣхъ наемныхъ денегъ будетъ сполна отдать нечего, сколько онъ не заслужитъ, и ему отдати въ зачетъ деньги соцкому и волостнымъ крестьяномъ та лошадь съ хомутомъ, и съ телѣгою, и со всею поднарядною посошною снастью, и платье. А имъ, соцкому и крестьяномъ, взяти въ ту цѣну, а цѣна ему, Титу, сказать по государеву крестному цѣлованью въ правду. А будетъ впредъ учнетъ онъ, Титъ, сверхъ тѣхъ шти мѣсяцовъ на государевой служстояти, и ему имати за настойные мѣсяцы по три рубли на мѣсяцъ. И тѣ деньги имъ, соцкому и крестьяномъ, съ своей волости на настойные мѣсяцы присылать по той же рядѣ безъ задержки въ перемѣну, по сей записи, и убытковъ въ тѣхъ деньгахъ не учинити. А не пойдетъ, Титъ, за нашею порукою на государеву елужбу, или воротиша будетъ, по сей записи, или з государевы службы збѣжитъ, или на службѣ го-

[1]) Эта поручная и слѣдующая за ней основятся ко времени болѣе позднему, а именно къ 1633 и 1634 годамъ. Тѣмъ не менѣе мы нашли возможнымъ перепечатать ихъ въ настоящемъ изданіи, такъ какъ онѣ вносятъ много интересныхъ подробностей для выясненія вопроса о наймѣ посошныхъ людей, практиковавшемся въ началѣ 17 вѣка.

сударю измѣнитъ, или къ какимъ воровскимъ людемъ учнетъ приставать, или инымъ какимъ воровствомъ учнетъ воровати, и что въ томъ соцкому и всѣмъ крестьяномъ учинитца убытка, и тѣ убытки съ соцкого и съ крестьянъ намъ порущикамъ сымати, а наши порущиковы головы въ его голову мѣсто. И государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси пеня, что государь укажетъ, и наемные деньги на насъ же порущикахъ. А которой насъ порущиковъ въ лицахъ, на томъ государева пеня и наемные деньги. А покамѣста быти ему, Титу, на Колмогорахъ до отпуску на государеву службу, и ему, Титу, имати у нихъ, соцкого и у всѣхъ крестьянъ, на всякой день по четыре деньги. А съ которого числа стольникъ и воевода да діакъ отпустятъ съ Колмогоръ на государеву службу, съ того числа и помѣсячной пойдетъ. Въ томъ и запись далъ. На то послуси Иванъ Козьминъ да Леонтей Михайловъ, Койдокурцы. Запись писалъ Койдокурскіе волости церковной діячекъ Захарко Архиповъ. Лѣта 1141, апрѣля въ 12 день.[1])

III.[2])

Се язъ Михайло Никитинъ сынъ Кукинъ, да язъ Ермолла Зеновьевъ сынъ Семенова, да язъ Иванъ Омосовъ сынъ Калининыхъ, да язъ Симонъ Исаковъ сынъ Мартынова, да язъ Путило Родіоновъ сынъ Дьяковъ, да язъ Ананья Ивановъ сынъ Александровъ, да язъ Артемей Мосѣевъ сынъ Шумиловъ, да язъ Кондратей Онисифоровъ сынъ, да язъ Пятой Ивановъ сынъ, да язъ Никита Кипреяновъ сынъ Александрова, да язъ Мартынъ Григорьевъ сынъ Бардинъ, да язъ Созонъ Вавилинъ сынъ Татаева, да язъ Аврамъ Семеновъ сынъ Чюхченемской волости Ильинского приходу поручились есми по государевѣ царевѣ и великого князя Михаила Федоровича всея Русіи и великого государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Русіи грамотѣ, что прислана въ нынѣшномъ во 142-мъ году на Двину ис приказу Приказныхъ дѣлъ князя Дмитрея Петровича Пожарскаго за приписью дьяка Григорья Волкова къ воеводѣ къ Григорью Ондревичу Плещѣеву да къ дьяку къ Микифору Демидову, по посошномъ челоѣкѣ, по Кирилѣ Корнильевѣ сынѣ Кукинѣ, Чюхченемцѣ, сотцкому Алимпію Никитину Буланову и всѣмъ крестьяномъ Чюхченемской волости. Итти ему, Кирилу, за нашею порукою съ Колмогоръ къ Москвѣ на государеву службу подъ Смоленскъ, и гдѣ государь велитъ быти, съ лошадью, и съ телѣгою, и съ хомутомъ, и съ топоромъ, и съ киркою, и з заступомъ, и съ ло-

[1]) **Акты Лодомской церкви, 191—193.**
[2]) **Акты Лодомской церкви, столб. 186—188.**

патою, и со всею подъ нарядъ посошною снастью, и лошадь бы была молода и тягла, и которая бы подъ нарядъ къ подъему придилась, наспѣхъ съ иными посошными людьми Двинскіе земголи нынѣшного 142-го году на годъ. И на Москвѣ объявитися ему, Кирилу, въ приказѣ Приказныхъ дѣлъ князю Дмитрею Петровичу Пожарскому да дьяку Григорью Волкову. И будучи ему, Кирилу, на государевѣ службѣ, не зворовати, и измѣны и хитрости никоторые не учинити, и до государева отпуску со службы не збѣжати, и къ измѣнникомъ не приставати, и не лазучити, и на кормчу не ходити, и никакимъ воровствомъ не воровати. И служити ему, Кирилу, государева служба прямо, въ правду, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Русіи крестному цѣлованью безъ всякіе хитрости. А найму онъ, Кирило, по своей рядѣ взялъ у сотцого Алимпія и у всѣхъ крестьянъ Чюхченемской волости на платье, и на хлѣбъ, и на лошадь, и съ телѣгою, и съ хомутомъ, и съ топоромъ, и съ киркою, и з заступомъ, и съ лопатою, и за всю подъ нарядъ посошную снасть, за все про все безъ вывѣта на шесть мѣсяцевъ, на полгода, девятнадцать рублевъ восмь гривенъ. Деньги взялъ всѣ сполна вручь напередъ, а служба его и мѣсячина ему съ такова дни, какъ его воевода и дьякъ съ Колмогоръ къ Москвѣ отпустятъ. И на дорогѣ ему, Кирилу, отъ иныхъ посошныхъ людей Двинскіе земли не отстати. А какъ онъ, Кирило, отслужитъ государю первые шесть мѣсяцовъ, полгода, по сей записи, а служба государева не минетъ, и его, Кирила, съ службы не отпустятъ, и ему, Кирилу, и впредь государю служити до отпуску, а деньги наемные на передніе мѣсяцы присылати на государеву службу къ нему, Кирилу, имъ, сотцкому Алимпію и всѣмъ крестьяномъ, порядъ на мѣсяцъ по три рубли по десяти алтынъ, безъ задержанья и безубыточно, или въ его Кирилово мѣсто въ перемену человѣка прислати. А какъ его, Кирила, государь пожалуетъ, съ службы отпуститъ или государь службу воротитъ... (конецъ утраченъ).

Распросныя рѣчи о намѣреніяхъ Литовскихъ и Нѣмецкихъ воинскихъ людей.

I.

122 года декабря въ 8 день взяли подъ Колмогорскимъ острогомъ за Падрокурьею въ приступѣ на вылазкѣ въ языкѣхъ черкашенина стрѣльцы Максимовы сотни Рѣзникова Кирюшка Шилега съ товарищи.

И стольникъ и воевода князь Петръ Ивановичъ Пронской да дьякъ Василей Ларіоновъ языка допрашивали, какъ

его зовутъ, и чьей роты и много ли черкасъ нынѣ въ войнѣ и сколко у нихъ полковниковъ, какъ ихъ имяны зовутъ и что ихъ воровское умышленье надъ Колмогорскимъ острогомъ.

И языкъ въ роспросѣ сказалъ: родомъ онъ Радоженичъ Павелко Артемовъ, былъ въ полку у полковника у Сидорка, а чей Сидорко словетъ того не знаетъ, а болшой у нихъ полковникъ Барышполецъ, а было де ихъ съ полковникомъ съ Барышполцомъ да Сидоркомъ подъ Тихвиною съ ноугородскими нѣмцы Якова Пунтусова тысячъ семь.

А подъ Тихвинымъ де на многихъ дѣлѣхъ ихъ побивали многихъ людей, а съ послѣдняго побою пошло ихъ изъ подъ Тихвины всего черкасъ съ тѣми полковниками съ двѣ тысячи на Вытегру.

А съ Вытегры де приходили въ Андому къ острожку, гдѣ сидѣлъ Богданъ Чулковъ.

И подъ тѣмъ де ихъ острожкомъ побито и поранено двѣсти человѣкъ черкасъ.

И они отъ того острожку пошли прочь и учиня раду, пошли къ Колмогорамъ, а пришедъ къ Колмогорамъ Барышполцова полку стали въ посадѣхъ передъ острожкомъ, а Сидоркова полку стали перешедъ по другую сторону острогу отъ Архангельсково города въ посадцѣ въ Падрокурьѣ.

И на нихъ де на Сидорковъ и на Барышполцовъ полкъ изъ острогу была вылазка съ приметы и въ тѣхъ де ихъ посадѣхъ приметы зажгли и убили у нихъ четыре человѣка черкасъ, да полковника Сидорка, да знаменщика Ондрюшку и сошлись послѣ бою въ одно мѣсто на Глинской посадъ да на Ерзовку къ Барышполцу, а въ Каргополь де они не пошли отъ Вытегры потому, что у нихъ ушелъ съ дороги въ Каргополь полоняникъ попъ, да взяли у нихъ казака, а про засѣку имъ сказали, что на засѣкѣ людно, а про Колмогорской острогъ имъ сказали, что острогъ не додѣланъ и людей въ немъ служилыхъ съ огненнымъ боемъ всего съ пятьдесятъ человѣкъ, а иныхъ нѣтъ, а заморского де узорочного товару много.

И того жъ часу языкъ Павликъ пытанъ, а съ пытки говорилъ тѣ же рѣчи, что и въ роспросѣ сказывалъ. И до государева указу съ пытки вкинутъ въ тюрьму.[1])

II.

122 году декабря — прибѣжалъ въ Архангельской городъ князь Тимоѳей княжъ Ивановъ сынъ Оболенскій.

---

[1]) „Акты Московскаго Государства" подъ ред. Н. А. Попова. Изд. Академіи Наукъ. т. I № 82.

Въ роспросѣ сказалъ: взяли де его въ полонъ на Тихвинѣ Литовскіе люди и черкасы, какъ взяли нѣмцы Царицынъ монастырь, и былъ у пана въ пахолкѣхъ, а изъ подъ Тихвины пошли на Двину воевати, сказали Литовскимъ людемъ и черкасомъ, мѣста великіе посады на семи верстахъ, а людей ратныхъ въ сборѣ нѣтъ, и изъ подъ Тихвины идучи стояли на Вытегрѣ, дожидались зимняго пути и, дождавшись зимняго пути, пошли къ Андомѣ и въ Андомѣ приступали къ острожку и подъ острожкомъ побили Литовскихъ людей и черкасъ человѣкъ съ сто, а изъ Андомы идти де имъ было Литовскимъ людемъ и черкасомъ подъ Каргополь и въ Каргополѣ де взяли у нихъ языковъ, и они де по тѣмъ языкомъ къ Каргополю не пошли, а пошли прямо на Двину; и какъ пришли подъ Колмогорской острогъ, и къ острогу приступали и подъ Колмогорскимъ острогомъ Литовскихъ людей и черкасъ побили многихъ да убили полковника Сидорка, а изъ подъ Колмогорскаго острога пошли къ Архангельскому городу и къ Архангельскому городу не приступали затѣмъ, что амбары и гостинные дворы зажжены, а хотятъ подъ Архангельскимъ городомъ стоять четыре дня и идти въ Никольской Корельской монастырь и въ Ненокоцкое и въ Унское усолья и на Онежское устье и идти въ Новгородъ къ Якову Пунтусову, а идучи, хотятъ приступать къ Каргополю, а изъ подъ Колмогорскаго острогу пошелъ изъ черкасскихъ полковъ назадъ вверхъ по Двинѣ и на Вагу сотникъ Ѳетко, а съ нимъ пошло Литвы и черкасъ двѣсти человѣкъ и сходиться де имъ всѣмъ вмѣстѣ подъ Каргополемъ же. А велѣлъ де Литовскимъ людямъ и черкасомъ идти на Двину и къ Архангельскому городу Яковъ Пунтусовъ и давалъ де Яковъ въ Новѣгородѣ Литовскимъ людемъ и черкасомъ сукна и камки и деньги и велѣлъ имъ быть къ себѣ назадъ въ Новгородъ, а Литовскихъ людей и черкасъ двѣ тысячи на Двину у нихъ пришли и полковники Барышполецъ да былъ Сидорко, и въ Сидорково мѣсто выбранъ въ полковники черкашенинъ Островской.

Да декабря же въ 14 день прибѣжалъ отъ черкасъ въ Архангельскій городъ крестьянинъ Меншичко Онкундиновъ. Въ роспросѣ сказалъ: пришли де Литовскіе люди и черкасы на Вагинъ островъ и стали во многихъ мѣстѣхъ, а его де, Меншичка, поимали въ побѣгѣ да съ нимъ брата его Петрушку да крестьянина жъ Семена Цыварева, и просятъ де подъ нихъ выкупа пятдесятъ рублей и они де Меншичко посулили отъ себя выкупа пятдесятъ рублей, а его, Меншичка, послали черкасы въ Архангельскій городъ по тѣ выкупные деньги за крестнымъ цѣлованьемъ и велѣли ему быть къ себѣ изъ Архангельскаго города назадъ на станъ тое жъ ночь;

цы въ тихость преложися: кротцы, яко овчата, пришедше къ тюрьмѣ, съ честію зваша его, да идетъ по обычаю своему въ Приказную плату и управляетъ ихъ по прежнему. Онъ же, видѣвъ заступленіемъ Пресвятыя Богородицы быстрое внезапу, яко дивіихъ звѣрей, въ кротость премѣненіе, о избавленіи своемъ мнози слезы отъ радости испущаше и, вшедъ въ домъ, посылаетъ тоя обители съ старцемъ Іоною монастырю потребная: книги и воскъ, паволоки тоже и сребро на строеніе церковное, обѣщася же и до смерти своея имѣти вѣру монастырю Пречистыя Богородицы въ Черную гору". („Лѣт. Двинская", стр. 15—16).

Того-же года, была въ городѣ Архангельскомъ „воеводская, по присланной изъ Москвы грамотѣ, перепись новозаписавшихся самоизвольно въ городѣ посадскихъ 80 человѣкъ, составившихъ отдѣленное отъ первыхъ переведенцовъ общество, снабденное, по Московской грамотѣ, исключительнымъ правомъ по мирскимъ расходамъ отъ соединенія со всѣми посадскими и волостями Двинскія земли". (Крестининъ, стр. 97—98).

1610. Произведено „соединеніе старыхъ и новыхъ жильцовъ Архангельскаго города въ единое общество, послѣдовавшее не безъ челобитья первыхъ, воспользовавшихся соединенными силами предреченнымъ исключительнымъ правомъ". (Крестининъ, стр. 98).

1611. Былъ раззорительный пожаръ въ Архангельскѣ (сгорѣли на посадѣ слободы: Стрѣлецкая, Пушкарская, Жилецкая и половина Затинной), принудившій посадскихъ разсѣяться по деревнямъ. (Тамъ-же, стр. 98).

1613. Архангельскіе горожане жаловались въ Москвѣ на Холмогорцевъ объ излишнихъ расходныхъ налогахъ и челомъ били о возвращеніи изъ деревень посадскихъ на жительство въ городъ. (Тамъ же, стр. 98—99).

1616. Архангелогородцы жаловались на городовыхъ стрѣльцовъ въ притѣсненіи невольными постоями и въ лишеніи посадскихъ доходовъ ихъ отъ вольныхъ постоевъ. (Тамъ же, стр. 99).

Того же года, по грамотѣ Великаго Государя Михаила Θеодоровича, присланой къ игумену Соловецкому Иринарху, отправлены были съ Соловковъ въ Москву дски отъ гробовъ Соловецкихъ Чудотворцевъ Зосимы и Савватія на подводахъ съ нарочными гонцами. („Лѣтоп. Сол"., стр. 56).

Того же года Анзерскомъ островѣ въ Соловкахъ препод. Елеазаромъ основанъ Анзерскій Свято-Троицкій скитъ. (Кратк. опис. монастырей, стр. 68).

1618. Изъ Англіи королемъ Іаковомъ I отправлено было въ Москву посольство, во главѣ котораго стоялъ сэръ Дод-

лей Диггсъ; къ нему присоединился англійскій ботаникъ Традескантъ Старшій, оставившій потомъ дневникъ своего путешествія въ Россію. Іюля 15-го корабль посольства прошелъ черезъ Двинской баръ; 16-го въ гавани Диггсу была сдѣлана военная встрѣча, а вечеромъ того же дня корабль остановился предъ англійскимъ домомъ въ Архангельскѣ; 17-го все посольство сошло съ корабля на берегъ и размѣстилось въ трехъ домахъ, изъ которыхъ два принадлежали голландцамъ, а третій англичанину; 20-го Традескантъ выпросилъ себѣ царскую ладью и объѣхалъ острова въ Двинской дельтѣ, чтобы узнать, какія тамъ водятся растенія. (Гамель. Англичане въ Россіи. Статья І-я. 1865 г., стр. 133—136).

1621. По государеву указу, на Холмогорахъ, „въ Качковкѣ, острогъ поставили на новомъ мѣстѣ, для того, что прежній острогъ, которой былъ въ нижней половинѣ, отъ Двины рѣки стѣны и башни подмыло и льдомъ сломило. (Лѣт. Двинская“, стр. 19)

1622. Пріѣхалъ на Двину „писецъ Миронъ Вельяминовъ съ товарищи писать Двинской земли, и описавъ, съѣхалъ черезъ два года“. (Тамъ же, стр. 19).

1623 Іюля 30 дня въ Соловкахъ было обрѣтеніе мощей преподобнаго аввы Германа, спостника Преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія. („Лѣтоп. Сол.“ стр. 57).

1623. Состоялось закрытіе воднаго пути изъ Архангельска и поморскихъ городовъ въ Мангазею. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, указомъ отъ 24 августа 1623 года, повелѣлъ закрыть навсегда морской путь въ сибирскіе города и вмѣсто него открыть новый—черезъ Камень: „въ Мангазею ходити черезъ сибирскіе городы съ Руси въ устье Усу рѣку, а по Усѣ рѣкѣ вверхъ до устья Соба рѣки, а изъ Соби рѣки въ Ель рѣку до Каменки до волоку, а черезъ волокъ черезъ Камень въ Собь въ другую рѣку, а Собью рѣкою внизъ до Оби великой... а съ Соби (вѣроятно Оби) на Березовъ, а съ Березова на Мангазею“. Къ этому закрытію воднаго пути побудило правительство опасеніе, какъ бы иностранцы, появившіеся въ сѣверномъ морѣ, не проникли въ Сибирь и не завладѣли тамошнею торговлей и самою страною. По этому поводу Тобольскій воевода князь Куракинъ писалъ: „И по тѣмъ, государь, по прежнимъ и по нынѣшнимъ рѣчамъ, чаемъ мы холопи твои въ Монгазею и въ Енисею проходу торговыхъ нѣмецкихъ людей. И будетъ, государь, тѣ оба ходы провѣдаютъ нѣмцы и учнутъ приходить въ Мангазею многими кочами и корабли, и о томъ вели намъ холопемъ твоимъ свой государевъ указъ учинить: велѣть ли имъ торговать? А по здѣшнему, государь, по сибирскому смотря дѣлу, ни которыми обычаи нѣмцомъ

въ Монгазею торговати ѣздить поволить немошно; да не токмо имъ ѣздити, ино-бъ, государь и русскимъ людемъ моремъ въ Мангазею отъ Архангельскаго города для нѣмцевъ ѣздить не велѣть-же, чтобы на нихъ смотря нѣмцы дорогъ не узнали, и пріѣхавъ бы воинскіе многіе люди, сибирскимъ городомъ какіе порухи не учинили; а въ Монгазеѣ и въ иныхъ сибирскихъ городѣхъ люди немногіе, стоять противъ многихъ людей некѣмъ; да и потому: только придутъ вскорѣ какіе воинскіе люди, и изъ Тобольска и изъ иныхъ сибирскихъ городовъ помощи вскорѣ немочно, потому что Монгазея отъ Тобольска и отъ иныхъ сибирскихъ городовъ отдалѣла, большимъ погодьемъ поспѣвать изъ Тобольска недѣль въ восемь, а коли погодья живетъ мало, и ходу живетъ недѣль тринадцать и больши; а отъ Архангельскаго города ходъ къ Монгазеѣ близко, поспѣваютъ въ полпяты недѣли. А мочно, государь, нѣмцамъ пройти въ Монгазею изъ своихъ земель, не заимуя Архангельскаго города, а у города Архангельскаго свѣдать будетъ про нихъ немочно".[1])

1627. Мая въ 20 день „былъ на Двинѣ страшной трусъ, въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ, къ понедѣльнику въ 5 часу нощи: грѣхъ ради нашихъ, гнѣвомъ Божіимъ, потрясеся земля, и многіе люди трясеніе то видѣша, а иные люди въ то время спали, отъ того труса людей Богъ помиловалъ". („Лѣт. Дв." стр. 19—20).

1628. Сентября 27 дня строитель Московской службы Соловецкаго монастыря старецъ Даніилъ получилъ исцѣленіе отъ слѣпоты, о каковомъ происшествіи увѣдомили Соловецкаго игумена Макарія самъ Великій Государь Михаилъ Феодоровичъ и отецъ, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ слѣдующею грамотою:

„Отъ Царя и Великого Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи и отъ великаго Государя святѣйшаго Патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Руссій въ Соловецкой монастырь богомольцу нашему игумену Макарью съ братьею.

„Извѣщалъ намъ Соловецкаго монастыря строитель старецъ Даніилъ, а сказалъ: въ прошломъ-де во 135 году, канунъ Успеньева дни, отнялъ Богъ свѣтъ очію его, и нынѣ де, на память Чудотворца Сергѣя, въ ночи, даровалъ Богъ ему свѣтъ несовершенъ, кабы почалъ быти во очію его блескъ; а на память великаго Чудотворца Саватѣя, въ семомъ часу ночи, въ тонокъ сонъ сведенъ, и великіе Чудотворцы Сергѣй и Саватѣй явились ему, и Саватѣй почалъ молити Чудотворца Сергія о свѣтѣ его, и Чудотворецъ Сергѣй рекъ: ослушался де онъ меня, посылали де мы его Великій Госу-

[1]) „Отечественныя Записки" 1877 № 10, стр. 407—408.

дарь и отецъ нашъ Великій Государь святѣйшій Патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всеа Русіи, въ домъ мой, въ прошломъ во 130 году и онъ насъ, Великого Государя и отца нашего Великого Государя святѣйшаго Филарета Никитича Патріарха Московскаго и всеа Русіи, ослушался, въ дому моемъ былъ, и безъ благословенія и безъ отпуску изъ монастыря съѣхалъ, и за то де нынѣ свѣтъ у него Богъ отнялъ. И Чудотворецъ де Саватѣй умолилъ Сергѣя Чудотворца: пощади нынѣ его для меня. И Чудотворецъ Сергѣй вынялъ изъ калиты сосудецъ съ кисцею, и помазалъ очи его, и абіе невидимы быша; и онъ деи возбнулъ отъ сна и увидѣлъ образъ Чудотворца Сергія и Саватія.—И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и выбъ пѣли молебны со звономъ Преображенью Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и Сергію Чудотворцу, и Соловецкимъ Чудотворцамъ Зосимѣ и Саватѣю, и инымъ святымъ, молебны пѣли по статьямъ, по своему монастырскому чину, какъ у васъ ведется, и святили воду, и ту святую воду раздавали бы естя съ вѣрою приходящимъ болящимъ различными недуги, да о томъ отписали бы естя къ намъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7136 сентября въ 29 день".

1629. Принесена была въ Красногорскій монастырь чудотворная икона Грузинской Божіей Матери, по поводу чего Новгородскій митрополитъ Кипріянъ въ грамотѣ поповскому старостѣ Рождественскому попу Ероѳею писалъ:

„Вѣдомо намъ учинилось, что въ прошломъ 7137 (1629) году августа 22 дня, въ Холмогорскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Пинегѣ, на Черной горѣ, у Пречистыя Богородицы Похвалы, поставилъ Георгій прозваніемъ Третьякъ Лыткинъ образъ Пречистыя Богородицы, чудотворныя иконы Одигитрія, греческое письмо, обложенъ серебромъ, вѣнцы, гривна, поля рѣзью позолочены, окладъ весь почестнымъ золотомъ. Къ нему же тотъ образъ Пречистыя Богоробицы вывезъ изъ за моря, изъ Персидской земли, прикащикъ Стефанъ Лазаревъ; въ 1626 году въ Персидскую землю тотъ образъ Пречистыя Богородицы зашелъ. Въ то время Персидскій царь Абассъ шахъ воевалъ Грузинскую землю, что изстари слыла Иверская, и въ тоже время шаховы персидскіе ассиріяне въ Грузинской земли Божіи церкви разорили и многія чудотворныя иконы, а иныя вывезли изъ Грузинской въ Персидскую землю шаховы люди. Какъ къ тебѣ сія наша грамота придетъ, и ты бы отъ себя писалъ на Черную гору въ монастырь Пречистыя Богородицы къ игумену и братіи и велѣлъ бы ты предъ образомъ Пречистыя Богородицы Одигитріи во вся недѣли по вторникамъ пѣть молебны". („Истор. оч. Красногорскаго м-ря"—Свящ. А. Васильева. СПБ., стр. 11—12).

1630. Холмогорцы взыскивали на Архангелогородцахъ, боевымъ правежемъ передъ земскимъ дворомъ, расходную, по ихъ разрубамъ, подать. (Крестининъ, стр. 99).

1631. Воевода Дементій Семеновичъ Погожій свезенъ къ Москвѣ скованъ („Лѣт. Двин.", стр. 20).

Того же года зимою. Производившееся взыскиваніе въ Архангельскѣ казенной и расходной по Холмогорскимъ разрубамъ подати, 68 рублей 27 копеекъ, принудило всѣхъ горожанъ разбѣжаться изъ города въ деревни. (Крестининъ, стр. 99).

1635. Было въ Соловецкомъ монастырѣ необычайное наводненіе отъ возвышенія морской воды, которая, потопивъ строенія, на западной сторонѣ монастыря находящіяся, доходила до крыльца соборной церкви Перображенія Господня, стоящей на особенно возвышенномъ мѣстѣ. Отъ сего случая много причинилось убытковъ обители, о чемъ донесено было Святѣйшему Патріарху Іоасафу I, а отъ него докладываемо было Великому Государю. („Лѣтоп. Солов.", стр. 61—62).

1636. Іюля въ 15 день былъ въ Архангельскѣ большой пожаръ о которомъ воевода князь Львовъ такъ доносилъ царю Михаилу Ѳедоровичу:

„И въ нынѣшнемъ, Государь, въ рмд (1636) году, іюля въ еі (15) въ четвертомъ часу дни въ Архангельскомъ городѣ стояли мы, холопы твои, въ Архангельскомъ монастырѣ у обѣдни въ соборной церкви Михаила Архангела, и въ тѣ, Государь, поры въ Архангельскомъ монастырѣ на монастырскомъ подворьѣ Николы-Корельскаго монастыря загорѣлась клѣть вверху подъ кровлею, а крыта, Государь, была та клѣть скалами да тесомъ, и отъ той, Государь, клѣти сгорѣли Архангельскаго монастыря кельи, да на монастырѣ двѣ церкви: Пречистыя Богородицы Покрова да Михаила Архангела, а стояли, Государь, тѣ церкви подлѣ городовую стѣну къ Двины рѣки, и отъ того, Государь, Никольско-Корельскаго монастыря подворья отъ клѣти, и Архангельскаго монастыря отъ келій и отъ церквей выгорѣло и разломано Архангельскаго города стѣны 158 саженъ, да три башни, да острожныя стѣны 80 саж., да двѣ башни, да воеводской дворъ, да Архангельскаго-жъ, Государь, монастыря въ анбарѣхъ было твоихъ, Государевыхъ, хлѣбныхъ запасовъ 43 четвертей съ осьминою ржи, что осталось отъ Кольскаго отпуску въ прошломъ въ рмг (1635) году, да въ Архангельскомъ же, Государь, монастырѣ Николо-Корельскаго монастыря въ анбарѣ-жъ было хлѣбныхъ запасовъ въ таможенную старую меньшую мѣру 200 четвертей ржи, 100 четвертей овса, и

тѣхъ, Государь, хлѣбныхъ запасовъ и съ пожару вынесено въ старую же меньшую мѣру 130 четвертей ржи, да 30 четвертей овса, а остальныхъ, Государь, хлѣбныхъ запасовъ въ тѣхъ анбарѣхъ сгорѣло 113 четвертей съ осьминою ржи, да 70 четвертей овса, и тѣхъ, Государь, остальныхъ запасовъ и Архангельскаго монастыря церкви и монастырскихъ келій и городовой и острожной стѣны и башенъ отъ того пожару отнять было, Гнсударь, не мочно никоторыми дѣлы, потому что въ Архангельскомъ, Государь, городѣ Архангельского монастырк стояли двѣ церкви да монастырскія кельи и анбары, да хлѣбня да двѣ поварни, да Николо-Корельскаго монастыря на подворьѣ кельи-жъ и клѣти и анбары, и оттого, Государь, было въ Архангельскомъ городѣ, великое утѣсненіе, да въ тѣ же, Государь, поры былъ вѣтръ великъ; а отняли, Государь, отъ того пожару мы, холопы твои, съ головами стрѣлецкими и съ сотники и съ стрѣльцами и съ пушкари и съ затинщики и съ посадскими и со всякими людьми въ въ Архангельскомъ городѣ твою Государеву казну, въ зелейномъ анбарѣ зелье и свинецъ и на городѣ нарядъ—пушки и затинныя пищали. И Архангельскаго, Государь, города городовую Вознесенскую наугольную башню и Воскресенскую проѣзжую и Сѣверную и Рождественскую наугольныя башни, и промежъ тѣхъ башенъ городовые и острожные стѣны и башни. Да отъ того жъ, Государь, пожару за Архангельскимъ городомъ выше города загорѣлась, Государь, многажды церковь Боголѣпнаго Преображенія, да придѣлъ Николы Чудотворца да колокольница; да въ жилецкихъ слободахъ земской дворъ. И ту, Государь, церковь и колокольницу и земской дворъ отъ пожару отстояли же, да на другой, Государь, сторонѣ, ниже города, церкви Воскресенія Христова да Спаса Нерукотвореннаго образа, да въ придѣлѣ Пречистыя Богородицы Казанскія, да твоего, Государева, Ангела Михаила Малеина и Гостиные русской и барабанской и англійской дворы и таможенную избу и твой, Государевъ, анбаръ, что былъ съ хлѣбными запасы и анбары жъ и лавки торговыхъ людей, и Архангельскаго, Государь, города посадскихъ людей и стрѣлецкіе и пушкарскіе и всякіе жилецкіе дворы всѣ отъ пожару отняли-жъ; да вынесено, Государь, отъ пожару заморскихъ водокъ въ 3 бочкахъ ведеръ съ пять, что тѣ водки присланы были съ Вологды до рли (1630) году, и тѣ, Государь водки въ то пожарное время изъ тѣхъ бочекъ выпили стрѣльцы, и тѣмъ стрѣльцамъ по сыску за то воровство было наказаніе и даны на поруки до твоего, Государь, указу.... а впередъ, Государь, Архангельскому монастырю и Николо-Корельскаго монастыря подворью въ Архангельскомъ городѣ для пожрнаго времени и утѣсненія Архангельскаго города быть

нельзя, потому что онъ того, Государь, Архангельскому городу утѣсненіе великое".[1])

Того же года Сентября въ 19 день „былъ пожаръ великій на Холмогорахъ, въ нижней половинѣ: загорѣлся дворъ Якуши Шарапова калачника и отъ того двора многіе посадскихъ людей дворы и воеводской дворъ, и съѣзжая, и таможенная изба, и ряды, гостинной дворъ и церковь Срѣтенія чудотворныя иконы Пресвятыя Богородицы Владимірскія". („Лѣт. Двин." стр. 20).

1637. „Монастырь Архангельской построенъ выше города за версту, надъ Двиною жъ рѣкою въ Нячерахъ". (Тамъ же, стр. 21).

Церкви, сооруженныя въ Поморьѣ въ память избавленія отъ Литовцевъ.

Въ г. Архангельскѣ въ 1614 г. къ Преображенской церкви, по грамотѣ Іоны, митрополита Сарскаго и Подонскаго, отъ 30 мая, былъ пристроенъ „обѣтный придѣлъ во имя Святителя Николая Чудотворца.[2])

Въ Лодомскомъ приходѣ, Архангельскаго уѣзда, въ 1614 году былъ начатъ, а въ 1630 г. былъ освященъ „обѣтный храмъ" во имя Богоявленія Господня.[3])

Въ Залывскомъ приходѣ, Холмогорскаго уѣзда, начата постройкою, въ 20-хъ годахъ XVI столѣтія, на новомъ мѣстѣ, по благословенной грамотѣ патріарха Филарета отъ 26-го Сент. 1620 г., данной на имя попа Константина изъ Залывья да церковнаго старосты Варфоломея Павлова и всѣхъ крестянъ Куростровской волости, писавшихъ, патріарху: въ „прошломъ де въ 127 г. (т. е. въ 1619 г.) приходили де на Московское государство Литовскіе люди и они де боялись отъ Литовскихъ людей войны и вымѣнили образъ Пречистыя Богородицы и Честнаго ея Успенія и обрекли новый храмъ воздвигнути на новомъ мѣстѣ на Государственной порожней земле на лугу во имя Успенія Пресвятыя Богородицы".[4])

Въ Пингишенскомъ приходѣ, того же уѣзда, въ благодарность за избавленіе отъ Литовскаго разоренія, жители, по благословенной грамотѣ Новгородскаго митрополита Исидора, построили Введенскую церковь, которая освящена была 17 декабря 1618 года.[5])

---

[1]) С. Ѳ Огородниковъ. Очеркъ исторіи города Архангельска въ торгово-промышленномъ отношеніи. СПБ. 1890, стр. 57—59.
[2]) Краткое описаніе приходовъ Арханг. еп. Вып. I, стр. 7.
[3]) Тамъ же, стр. 153.
[4]) Тамъ-же, стр. 271—272.
[5]) Тамъ-же, стр. 310—311.

Пожертвованія современниковъ Смутной эпохи въ Соловецкій монастырь. [1])

Царь Борисъ Өедоровичъ Годуновъ пожаловалъ въ 1597 году на большой колоколъ мѣди 500, да олова 100 пудовъ; колоколъ сей, съ прибавленіемъ 100 пудовъ мѣди монастырской, былъ вылитъ въ монастырѣ въ 1600 году и назывался Борисовичемъ. Тотъ же Государь, въ поминовеніе царя Өеодора Іоанновича и въ милостыню братіи, пожаловалъ 1500 рублей.

Царь Михаилъ Өедоровичъ, съ 1614 по 1635 годъ, пожаловалъ: 1) крестъ напрестольный, весь золотой, со вставленнымъ въ срединѣ небольшимъ алмазнымъ крестомъ, съ изображеніемъ Распятія Господня; 2) образъ Вседержителя въ сребропозлащенной ризѣ съ алмазными вставками; 3) воздухъ и два покрова, шитые золотомъ и серебромъ съ вышивкою приличныхъ тропарей; 4) ризу и стихарь съ оплечьями, унизанными жемчугомъ и каменьями высокой цѣцы; 5) другія многія церковныя вещи; 6) волость Шую Карельскую и 7) Яренгскій погостъ съ церковію и со всѣми угодьями. Онъ же въ 1625 году, для поминовенія Царицы Маріи Владиміровны, пожаловалъ 60 руб. и въ 1638 году, въ поминовеніе родителя своего Филарета Никитича, пожаловалъ на церковное строеніе Анзерскаго Свято-Троицкаго скита 200 рублей.

Патріархъ Филаретъ Никитичъ пожаловалъ: 1) крестъ древомасличный, рѣзной, обложенный серебромъ золоченымъ, съ изображеніемъ Распятія Господня и дванадесяти Господскихъ праздниковъ (въ 1627 г.); 2) сребропозлащенную ладаницу, дѣланную сканью съ финифтью и съ каменьемъ; 3) разную церковную утварь, книги и иконы въ новопостроенную въ Анзерскомъ Свято-Троицкомъ скитѣ церковь (въ 1620 г.) и 4) для поминовенія царицы Маріи Владиміровны — 120 руб. (въ 1625 г.).

Великая старица инокиня Мараа Ивановна (мать царя Михаила Өедоровича) дала на церковное строеніе Анзерскаго скита 100 рублей, да вкладомъ въ монастырь пожаловала денегъ 300 рублей.

Царица и великая княгиня инокиня Елена, супруга царя Василья Ивановича Шуйскаго, дала по мужѣ своемъ 100 рублей.

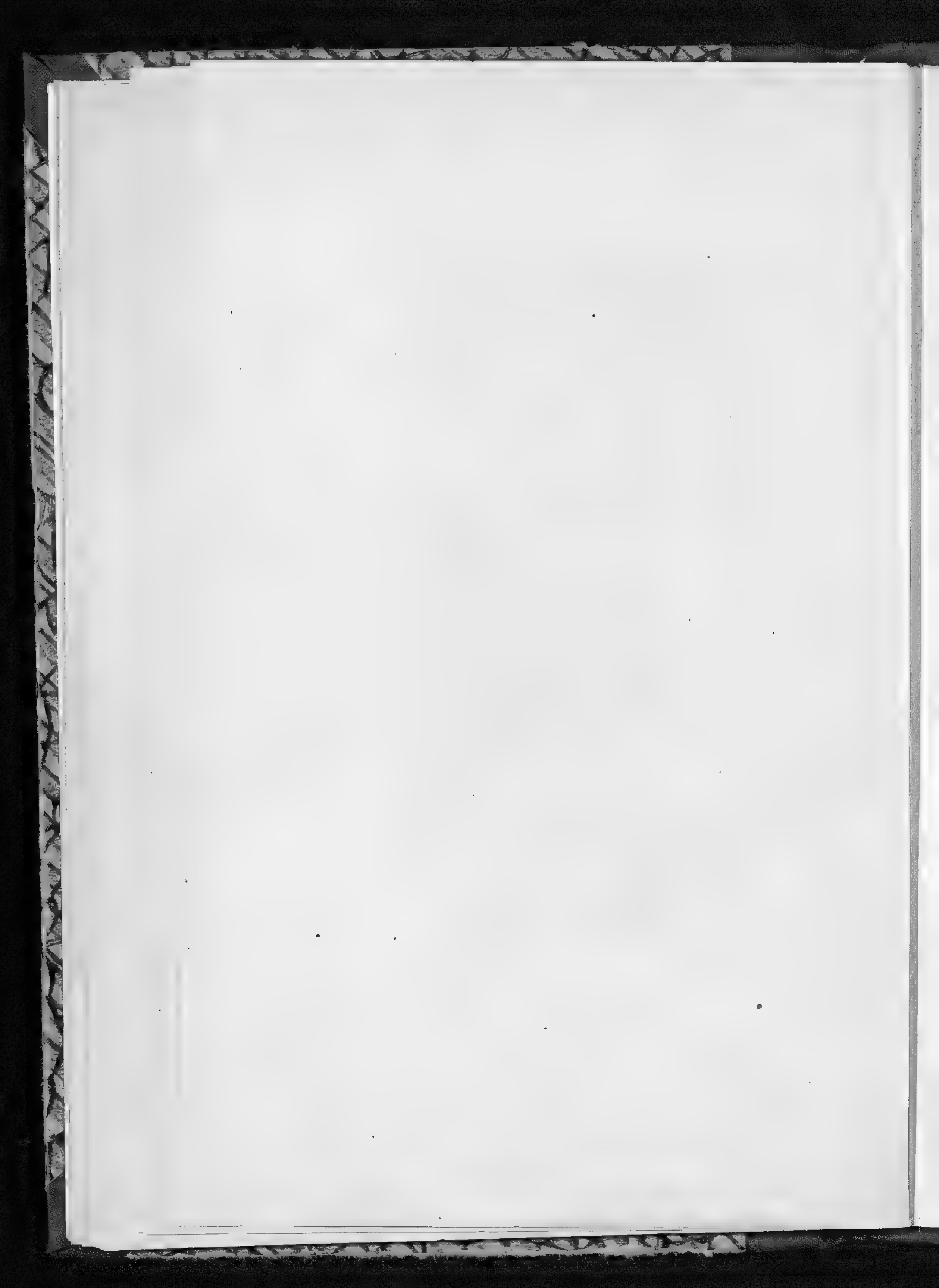
Князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій далъ вкладомъ Евангеліе напрестольное, письменное въ десть, обложенное атласомъ золотымъ, на немъ Евангелисты серебряные, золоче-

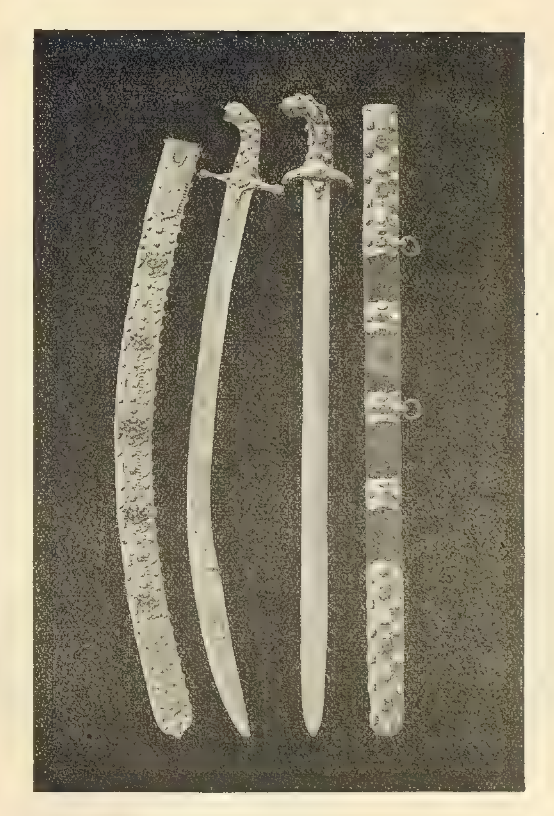
[1]) Досифей Опис. Солов. м—ря. М. 1853, стр. 94,218—220, 278—279, 281—284 и ч. 2-я, стр. 15—16.

Даръ патріарха Филарета. Серебряная ладонница.

(Изъ Извѣстій Императорской Археологической Коммиссіи. СПБ. 1911 г., вып. 39).

Палашъ князя М. В. Шуйскаго и сабля князя Д. М. Пожарскаго.

(Изъ Извѣстій Императорской Археологической Коммиссіи. СПБ. 1911 г., вып. 39).

Церковные сосуды, пожалованные царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ.

(Изъ Извѣстій Императорской Археологической Коммиссіи. СПБ. 1911 г., вып. 39).

ные, съ каменьями и жемчугомъ; также разныя книги; а по кончинѣ князя, прислана въ монастырь сабля его, съ серебряною оправою и съ дорогими каменьями.

Князь Михайло Васильевичъ Шуйскій-Скопинъ пожертвовалъ водосвятную большую серебряную чашу, дѣланную 1586 года.

Князь Иванъ Ивановичъ Шуйскій далъ вкладомъ въ разное время 500 рублей, а окольничій князь Семенъ Васильевичъ Прозоровскій далъ палашъ въ серебряной оправѣ съ каменьями, принадлежавшій князю Михаилу Васильевичу Шуйскому-Скопину.

Князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ далъ 200 рублей.

Князь Іоаннъ Борисовичъ Черкасскій далъ 23 золотыхъ и 409 рублей.

Архангельскъ въ началѣ 17-го вѣка.

(*По писцовой книгѣ Мирона Вельяминова*).

Городъ Архангельскій деревянный, на рѣкѣ на Двинѣ, рубленъ въ двѣ стѣны, мазанъ глиною, а у города трое воротъ: Архангельскіе, на воротахъ башня, а въ воротахъ двѣ пищали желѣзныя, нѣмецкія, двѣ пушечки скорострѣльныя, желѣзныя, дробовыя; ворота Воскресенскіе, а на воротахъ башня, а въ воротахъ пищаль желѣзная, нѣмецкая, пушечка скорострѣльная, желѣзная; ворота Покровскіе, водяные, къ рѣкѣ Двинѣ, а на воротахъ пищаль полуторная, мѣдная... На городѣ жъ башни-башня Спасская, наугольная, а на ней въ середнемъ бою пищаль желѣзная, нѣмецкая... башня Вознесенская, наугольная, а на ней въ середнемъ бою 2 пищали желѣзныя, нѣмецкія... башня Сѣверская, наугольная, а на ней въ верхнемъ бою пищаль мѣдная... башня Рождественская, наугольная, на ней въ середнемъ бою пищаль мѣдная, полуторная... На городѣ-жъ 2 пищали затинныя, мѣдныя, 17 пищалей затинныхъ желѣзныхъ. Огороденъ у города 204 городни, а мѣра городу... воротамъ и башнямъ 417 саженъ... Да около острогу ровъ, шириною 4½ сажени, въ глубину 2 саж., а во рву ставленъ тынъ, а около рва жолобы, а съ четвертую сторону города отъ Спасской наугольной башни до Вознесенской наугольной башни рѣка Двина, а для осыпи рубленъ обрубъ въ 5 стѣнъ, а мѣра 128 саж. У Покровскихъ воротъ къ рѣкѣ Двинѣ тайникъ...

Въ городѣ монастырь Архангельской... Игуменъ Варсонофій, 11 братскихъ келій, а въ нихъ 44 брата и 10 служебниковъ. На монастырѣ 4 анбара. Въ городѣ жъ изба съѣзжая, 5 житницъ, тюрьма, дворъ зелейный...

Въ городѣ жъ дворъ воеводской, дворъ городового прикащика Ивана Басаргина; дворъ Николы Чудотворца Корельскаго, анбаръ Соловецкаго монастыря, а исподне подъ нимъ анбаръ Ивашки молодыхъ бояръ съ товарищи. Архангельскаго-жъ города жилецкихъ уѣздныхъ и всякихъ до 100 избушекъ и 11 анбаровъ поставлены для осаднаго времени. У города-жъ на посадѣ, по рѣкѣ Двинѣ, выше города, церковь Преображенія Господня, древяна вверхъ, съ трапезою, у той церкви придѣлъ Николы Чудотворца, а въ церквахъ образы и свѣчи и книги и всякое церковное строеніе мірское. Домъ попа Семена Павлова, а другой домъ попа Романа Степанова, домъ дьякона Дмитрія Андреева, домы пономаря, проскурни и домъ трапезниковъ. На церковной землѣ церковныхъ Спасскихъ 17 лавокъ. На посадѣ жъ дворы бѣлые: дьяческой, земскаго головы стрѣлецкаго, дворъ земской, дворы Соловецкаго монастыря, Живоначальныя Троицы Антоніева Сійскаго монастыря, дворъ конюшенный Архангельскаго монастыря, дворъ Сійскаго монастыря, дворъ сотника стрѣлецкаго... 16 дворовъ пушкарскихъ и затинщиковыхъ. Всѣхъ бѣлыхъ дворовъ 34 двора. У города жъ на посадѣ пустыхъ дворовъ бѣлыхъ 4... У города на посадѣ—слобода стрѣлецкая, а въ ней 205 дворовъ, а пустыхъ дворовъ три. У города на посадѣ дворовъ тяглыхъ посадскихъ людей: лучшихъ 2 двора, 26 середнихъ, 86 молодчихъ, а всего 113 дворовъ, а людей въ нихъ 170 чел.; два двора бобыльскихъ, а людей въ нихъ тожъ, 9 дворовъ пустыхъ, 29 мѣстъ дворовыхъ посадскихъ людей, погорѣвшихъ въ 1611 году. У города, на посадѣ, по р. Двинѣ, ниже городу, у гостиныхъ дворовъ, церковь Воскресенія Господня, древяна вверхъ, другая церковь Великомученицы Параскевіи, нарицаемая Пятницы, древяна клѣцки съ трапезою, а въ церквахъ образы и свѣчи и книги и всякое церковное строеніе мірское. Домъ попа Козьмы Титова и домъ дьячка... На посадѣ-жъ дворы Государевы гостинные, на пріѣздъ русскихъ и нѣмецкихъ гостей и торговыхъ людей... Напротивъ гостиныхъ дворовъ, на пригорѣ, таможня, а подъ нею 4 анбара, 2 важни, 1 кабакъ, квасной откупъ и баня, да на посадѣ жъ 2 кабака... На посадѣ жъ, ниже гостиныхъ и нѣмецкихъ дворовъ, лавки Архангельскаго города жильцовъ и холмогорцовъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, а торгуютъ въ нихъ всякими товары въ въ корабельную пристань: лучшихъ лавокъ 8, среднихъ 29, молодчихъ 33 лавки, —всего 70 лавокъ... У города жъ на посадѣ по за-посадскихъ дворовъ, кузницъ 10... У города жъ, выше стрѣлецкой слободы, на р. Двинѣ, 2 мельницы вѣтряныя" [1]).

---

[1]) Огородниковъ. Очеркъ исторіи города Архангельска. СПБ. 1890 г., стр. 49—53.

Населеніе Поморья въ началѣ 17-го вѣка.

I. Посадское.[1])

Холмогоры . . .	473	двора
Архангельскъ . .	115[2])	„ „
Ненокса	76	„ „
Турчасово	42	„ „
Кулуй	28	„ „
Уна	22	„ „
Луда	17	„ „
Кеврола	18	„ „

II. Уѣздное.[3])

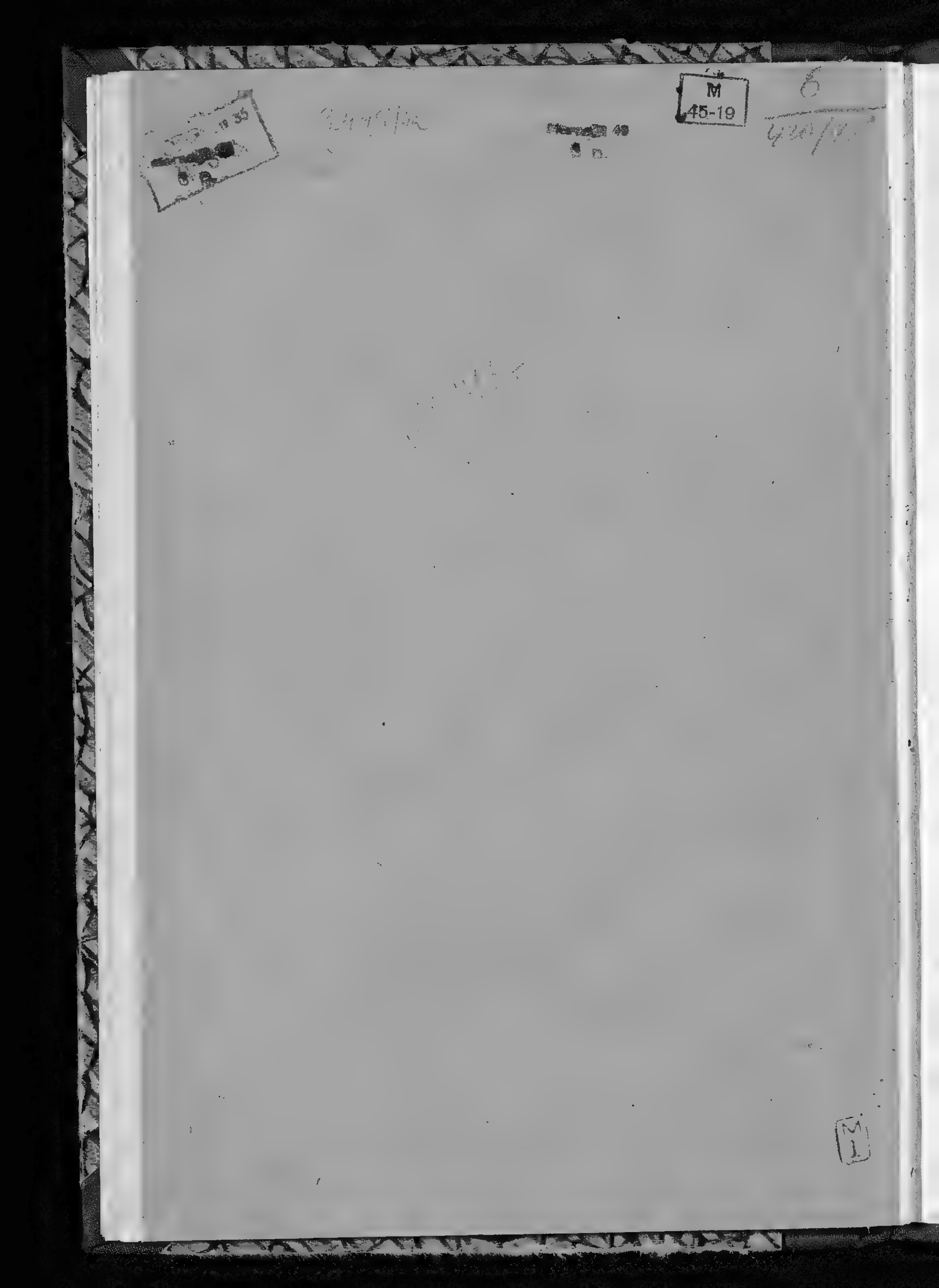
Турчасовскій станъ . .	2548	дворовъ.
Двинской уѣздъ . . .	3994	„
Кеврольскій	1090	„
Мезенскій	696	„
Кольскій	79	дворовъ и 142 вежи.

[1]) Богословскій. Земское самоуправленіе на Русскомъ Сѣверѣ. Томъ I. М. 1909 г., стр. 121.

[2]) Кромѣ посадскихъ, считалось 205 дворовъ стрѣлецкихъ.

[3]) Богословскій. Земское самоуправленіе на Русскомъ Сѣверѣ. М. 1909 . стр. 123. Приложенія—стран. 8—10, 14—28.

M
45-19

